

№ 454

ХРИСТОС ВОСКРЕС

Поэма

1.

В глухих
Судьбинах,
В земных
Глубинах,
В веках,
В народах,
В сплошных
Синеродах
Небес

— Да пребудет
Весть:
— "Христос
Воскрес!" —

Есть.
Было.
Будет.

2.

Перегорающее страдание
Сиянием
Омолнило
Лик,
Как алмаз, —

— Когда что-то,
Блеснувши неимоверно,
Преисполнило этого человека,
Простирающего длани
От века и до века —

За нас;

— Когда что-то
Зареяло
Из вне-времени,
Пронизывая Его от темени
До пяты...

И провеяло
В ухо
Вострубленной
Бурею Духа: —
— “Сын,
Возлюбленный —
Ты!”

Заря
Огромными зорями,
В небе
Прорезалась Назаря...
Жребий —
Был брошен.

3.

Толпы народа
На Иордане
Увидели явственно: два
Крыла.

Сиянием
Преисполнились
Длани
Этого человека...

И перегорающим страданием
Века
Омолнилась
Голова.

И по топлам
Народа
Желтым
Маревом,
Как заревом,
Запрядала разорванная мгла, —

Над, как дым,
Сквозною головою
Веющею
Верою
Кропя Его слова. —

Из лазоревой окрестности,
В зеленеющие
Местности
Опускалось что-то световую
Атмосферу...

Прорезывался луч
В Новозаветные лета...

И помавая кровавыми главами
Туч,
Назарея
Прорезывалась славами
Света.

4.

После Он простер
Мертвеющие, посинелые от муки
Руки
И взор —

В пустые
Тверди...

Руки
Повисли,
Как жерди,
В густые
Мраки...

Измученное, перекрученное
Тело
Висело
Без мысли.

Кровавились
Знаки,
Как красные раны,
На изодранных ладонях
Полутрупа.

Глаз остеклелою впадиною
Уставился пусто
И тупо
В туманы
И мраки,
Нависшие густо.

А воины в бронях,
Поблескивая шлемами,
Проходили под перекладиною.

5.

Голова
Окровавленного,
Лохматого
Разбойника,
Распятого —
— Как и Он —

Хохотом
Насмешливо приветствовала:
— "Господи,
— Приемли
Новоявленного
Сына Твоего!"

И тяжелым грохотом
Ответствовали
Земли.

6.

В опрокинутое мировое дно,
Где не было никакого солнца, которое
На Иордани
Слетело,
Низринутое
В это тело
Перстное и преисполненное бремени —

Какое-то ужасное Оно,
С мотающимися перепутанными волосами,
Угасая
И простирая рваные
Израненные
Длани, —
В девятый час
Хрипло крикнуло из темени
На нас:
— "Или... Сафахвани!"

7.

Деревянное тело
С темными пятнами впадин
Провалившихся странно
Глаз
Деревенеющего Лица, —

Проволокли, —
Точно желтую палку,

Забинтованную
В шелестящие пелены —

Проволокли
В ей уготованные
Глубины.

Без слов
И без веры
В воскресение...

Проволокли
В пещеры —
В тусклом освещении
Красных факелов.

8.

От огромной скорби
Господней
Упадали удары
Из преисподней —

В тяжелый,
Старый
Шар.
Обрушились суши
И горы,
Изгорбились
Бурей озера...
И изгорбились доли...
Разламывались холмы...

А души —
Душа за душою —
Валились в глухие тьмы.

Проступали в туманы
Неясные
Пасти
Чудовищной глубины...

Обнажались
Обманы
И ужасные
Страсти
Выбежавшего на белый свет
Сатаны.

В землетрясениях и пожарах
Разрывались

Труп из вне-времени
 Лазурей
 Пронизанный от темени
 До пяты,
 Бурей
 Вострубленной
 Вытянулся от земли до эфира...

И грянуло в ухо
 Мира:

— “Сын,
 Возлюбленный —
 Ты!”

Пресущественные божественно
 Пелены,
 Как порфира,
 Расширенная без меры,
 Пронизывали мировое пространство,
 Выструиваясь из земли.

Пресущественное неведественно
 Тело —
 В пространство
 Развевало атмосферы,
 Которые сияюще протекли.

Из пустыни
 Вне-времени
 Преисполнилось светами
 Мировое дно, —

Как оно —

Тело
 Солнечного Человека,
 Сияющее новозаветными летами
 И ставшее отныне
 И до века —

Телом земли.

Вспыхнула Вселенной
 Голова,
 И нетленно
 Простерты длани
 От Запада до Востока, —

Как два
 Крыла
 Орла,
 Сияющие издалека.

Страна моя
 Есть
 Могила,
 Простершая
 Вледный
 Крест, —

В суровые своды
 Неба,
 И —
 В неизвестности
 Мест.

Обвили убогие
 Местности
 Бедный,
 Убогий Крест —
 В сухие,
 Строгие
 Колосья хлеба,
 Вытарчивающие окрест.

Святое,
 Пустое
 Место, —
 В святыне
 Твои сыны!

Россия,
 Ты ныне
 Невеста...
 Приемли
 Весть
 Весны...

Земли,
 Прордейте
 Цветами
 И прозеленейте
 Березами:

Есть —
 Воскресение...
 С нами —
 Спасение...

Исходит огромными розами
 Прорастающий Крест!

Старые шары
Планет.

9.

По огромной,
По темной,
Вселенной,
Шатаясь,
Таскался мир,
Облекаясь,
Как в саван тленный
В разлагающийся эфир.

Было видно, как два вампира,
С гримасою красных губ,
Волокли по дорогам мира
Забинтованный труп.

10.

Нам желтея,
В нас без мысли
Подымаясь, как вопрос, —

Эти проткнутые ребра,
Перекрученные руки,
Препоясанные чресла —
В девятнадцатом столетии провисли:

— “Господи,
И это
Был —
Христос?”

Но это —
Воскресло...

11.

Снова там —
Терновые
Венцы.

Снова нам —
Провисли
Мертвецы
Под двумя столбами с перекладиною.

Хриплыми глухими голосами,
Перепутанными волосами,
Остеклелой впадиною
Глаз —
Угрожая, мертвенные
Мысли,
Остро, грозно, мертвенно
Прорезываются в нас.

12.

Разбойники .
И насильники —
Мы.

Мы над телом Покойника
Посыпаем пеплом власы
И погашаем
Светильники.
В прежней бездне
Безверия
Мы, —

Не понимая,
Что именно в эти дни и часы —

Совершается
Мировая
Мистерия...

13.

Мы забыли: —

Из темных
Расколов
В пещеру, где труп лежал.
С раскаленных,
Огромных
Престолов
Преисподний пламень
Бежал.

Отбросило старый камень;
Сорваны пелены:
Тело,
От почвы оторванное,
Слетело
Сквозь землю
В разъятые глубины.

Железнодорожная
 Линия...
 Красные, зеленые, синие
 Огоньки,
 И взлетающие
 Стрелки, —

Все, все, все
 Сулит
 Невозможное...

Твердят
 Голосящие
 Вдали паровики,
 Убегающие
 По линии:
 “Да здравствует третий
 Интернационал.”

Мелкий
 Дождичек стрекочет
 И твердит:
 “Третий
 Интернационал.”

Выкидывает телеграфная лента:
 “Интернационал”...

Железнодорожная
 Линия,
 Убегающая в сети
 Туманов —
 Голосит свистками распропагандированного
 Паровика
 Про невозможное.

И раскидывает свои блески —
 За ветвями зеленеющего тополя...
 Раздаются сухие трески
 Револьверных переливов.

А из пушечного гула
 Сутуло
 Просунулась спина
 Очкастого, расслабленного
 Интеллигента.

Видна, —
Мохнатая голова,
Произносящая
Негодующие
Слова
О значении
Константинополя
И проливов, —
В дующие
Пространства
И в сухие трески
Револьверных взрывов...

На мгновение
Водворяется странная
Тишина, —
В которую произносятся слова
Расслабленного
Интеллекта.

18.

Браунинг
Красным хохотом
Разрывается в воздух, —

Тело окровавленного
Железнодорожника
Падает под грохотом.

Подымают его
Два безбожника

Под забором...
На кого-то напали...

На крик и на слезы —
Ответствуют паровозы,
Да хором
Поют о братстве народов...

Знамена отвечают
Лепетом.

И воробьи с пригородных огородов
Приветствуют
Щебетом —

Падающих покойников.

Обороняясь от кого-то,
Заваливает дровами ворота
Весь домовый комитет.

Под железными воротами —
Кто-то...

Злая, лающая тьма
Прилегла —
Нападает
Пулеметами
На дома, —
И на членов домового комитета.

Обнимает
Странными туманами
Тела, —

Злая, лающая тьма
Нападает
Из вне-времени —
Пулеметами...

Из раздробленного
Темени
С переломленной
Руки —
Хлещут красными
Фонтанами
Ручьи...

И какое-то ужасное Оно
С мотающимися перекрученными
Руками
И неясными
Пятнами впадин
Глаз —

Стремительно
Проволокли —
Точно желтую забинтованную
Палку, —

Под ослепительный
Алмаз
Стоящего вдали
Автомобиля.

Это жалкое, желтое тело
 Пятнами впадин
 Глаз, —

Провисая между двух перекладин,
 Из тьмы
 Вперяется
 В нас.

Это жалкое, желтое тело
 Проволакиваем:
 Мы —
 — В себя: —

Во тьмы
 И в пещеры
 Безверия, —

Не понимая,
 Что эта мистерия
 Совершается нами —
 — в нас.

Наше жалкое, желтое тело
 Пятнами впадин
 Глаз, —

Провисая меж двух перекладин,
 Из тьмы
 Вперяется
 В нас.

22.

А весть
 Прогремела Осанной.

Есть
 Станный
 Пламень
 В пещере безверия, —

Когда озаряется
 Мгла
 И от нас
 Отваливаются
 Тела, —

Как падающий камень.

Россия,
Страна моя --

Ты — та самая,
Облеченная солнцем Жена,
К которой
Возносятся
Взоры...

Вижу явственно я:

Россия,
Моя, —
Богоносица,
Побеждающая Змия...

Народы,
Населяющие Тебя,
Из дыма
Простерли
Длани

В Твои пространства, —
Преисполненные пения
И огня
Слетающего Серафима.

И что-то в горле
У меня
Сжимается от умиления.

24.

Я знаю: огромная атмосфера
Сиянием
Опускается
На каждого из нас, —

Перегорающим страданием
Века
Омолнится
Голова
Каждого человека.

И Слово,
Стоящее ныне
По середине
Сердца,

Бурями вострубленной
Весны,
Простерло
Гласящие глубины
Из огненного горла:

— “Сыны
Возлюбленные, —

Христос Воскрес!”

1918 г. Апрель. Москва.

№ 455 : ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

Поэма

Предисловие

Киркою рудокопный гном
Согласных хрусты рушит в томы...

Я — стилистический прием,
Языковые идиомы!

Я — хрустом тухнувшая печь, —
Пеку прием: стихи — в начинку;
Давно поломанная вещь,
Давно пора меня в починку.
Висок — винтящая мигрень...

10 Душа — кутящая...

И — что же?..

Я в веселящий Духов День
Склонен перед Тобою, Боже!

Язык, запрядай тайным сном!
Как жизнь, восстань и радуй: в смерти!
Встань — в жерди: пучимым листом!
Встань — тучей, горностаем: в тверди!
Язык, запрядай вновь и вновь!

Как бык, обрадуй зыком плоти:
Как лев, текущий рыком в кровь,

20 О сердце, взмахами милоти!

Орел: тобой пересекусь...

Ты плоти — жест, ты знанью — числа...

“Ха” с “И” в “Же” — “Жизнь”: Христос Иисус —
Знак начертательного смысла...

Ты в слове Слова — богослов:

О, осиянная Осанна

Матфея, Маркз, Иоанна —

Язык!.. Запрядай: тайной слов!

- О, не понять вам, гномы, гномы:
30 В инструментаций гранный треск —
Огонь, вам странно незнакомый,
Святой огонь взвивает блеск.

1.

- Взойди, звезда воспоминанья;
Года, пережитые вновь:
Поэма — первое свиданье,
Поэма — первая любовь.
Я вижу — дующие зовы.
Я вижу — дующие тьмы:
Войны поток краснобагровый,
В котором захлебнулись мы...
Но, нет "вчера" и нет "сегодня":
10 Все прошлое озарено,
Лишь песня, ласточка Господня,
Горюче взвизгнула в окно...
Блести, звезда моя, из дали!
В пути года, как версты, стали:
По ним, как некий пилигрим,
Бреду перед собой самим...
Как зыби, зыблемые в ветры,
Промчите дни былой весны, —
Свои ликующие метры,
20 Свои целующие сны...

Год — девятьсотый: зори, зори!..
Вопросы, брошенные в зори...

- Меня пленяет Гольбер Гент¹...
И я — не гимназист: студент...
Сюртук — зеленый, с белым кантом;
Перчатка белая в руке;
Я — меланхолик, я — в тоске,
Но выгляжу немного франтом;
Я, Майей мира полонен,
30 В волнах летаю котильона,
Вдыхая запах "poudre Simon",
Влюбляясь в розы Аткинсона².
Но, тексты чтя Упанишад,
Хочу восстать Анупадакой³,
Глаза таращу на закат
И плачу над больной собакой;

1. Английский прерафаэлит.

2. "Уайт-роза" — духи фабрики Аткинсона.

3. "Анупадака" — безначальный: высокая степень посвящения.

Меня оденет рой Ананд⁴
Венцом таинственного дара:
Великий духом Даинанд⁵,
40 Великий делом Дармотарра⁶...

Передо мною мир стоит
Мифологической проблемой:
Мне Менделеев говорит
Периодической системой;
Соединяет разум мой
Законы Бойля, Ван-дер-Вальса —
Со снами веющего вальса,
С богами зреющей тьмой:
Я вижу огненное море
50 Кипящих веществом существ;
Сижу в дыму лабораторий
Над разложением веществ;
Кристаллизуются растворы
Средь колб, горелок и реторт...
Готово: порошок растёт...

Бывало, — затеваю споры...

Пред всеми развиваю я
Свои смесительные мысли;
И вот — над бездной бытия
60 Туманы темные повисли...
— “Откуда этот ералаш?”
Рассердится товарищ наш,
Беспечный франт и вечный скептик:
— “Скажи, а ты не эпилептик?”

Меня бывало перебьет
И миф о мире разовьет...

Жил бородатый, грубоватый
Богов белоголовый рой:
Клокочил бороды из ваты;
70 И — обморочил нас игрой.
В метафорические хмури
Он бросил бедные мозги,
Лия лазуревые дури
На наши мысленные зги;
Аллегорическую копоть,
Раздувши в купол голубой,

4. “Ананда” — ученик Будды.

5. Суами Сарасвати Даинанд — проповедник Индии XIX столетия.

6. Дармотарра — буддийский логик, последователь и комментатор философа Дармакирти (школа Дигнаги).

Он дружно принимался хлопать
На нас, как пушками, судьбой;
Бросался облачной тропею,
80 От злобы лопааясь, — на нас,
Пустоголовою толпою,
Ругая нас... В вечерний час, —
Из тучи выставив трезубцы,
Вниз, по закатным янтарям,
Бывало, боги-женолюбцы
Сходили к нашим матерям...

Теперь переменялись роли;
И больше нет метаморфоз;
И вырастает жизнь из соли;
90 И движим паром паровоз;
И Гревса Зевс — не переладит;
И физик — посреди небес;
И ненароком Брюсов адит;
И гадость сделает Гадес;
И пролетарий — горный летчик;
И — просиявший золотарь;
И переводчик — переплётчик;
И в настоящем — та же старь!

Из зыбей зыблемой лазури,
100 Когда отвеяна лазурь, —
Сверкай в незыблемые хмури
О месяц, одуванчик бурь!
Там — обесславленные боги
Исчезли в явленную ширь:
Туда серебряные роги,
Туда, о месяц, протопырь!
Взирай оттуда, мертвый взорич,
Взирай, повешенный, и стынь, —
О, злая, бешеная горечь,
110 О, оскорбленная ледынь!
О, тень моя: о, тихий братец,
У ног ты — вот, как черный кот:
Обманешь взрывами невнятиц;
Восстанешь взрывами пустот.
Но верю: ныне очертили
Эмблемы вещей глубины —
Мифологические были,
Теологические сны,
Сплетаясь в вязи аллегорий:
120 Фантомный бес, атомный вес,
Горюче вспыхнувшие зори
И символов дремучий лес,
Неясных образов законы,
Огромных космосов волна...

Так шумом молодым, зеленым, —
Меня овеяла весна;

- Так в голове моей фонтаном
Взыграл, заколобродил смысл;
Так выются бисерным туманом
130 Над прудом крылья коромысл;
Так мысли, легкие стрекозы,
Летят над небом, стрекоча;
Так белоствольные березы
Дрожат, невнятицей шепча;
Так звуки слова "дар Валдая"
Балды, над партою болтая, —
Переболтают в "дарвалдая" ...

- Ах, много, много "дарвалдаев" —
Невнятиц этих у меня.
140 И мой отец, декан Летаев,
Руками в воздух разведя:
"Да, мой голубчик, — ухо вянет:
Такую, право, порешь чушь!"
И в глазках крошечных проглянет
Математическая сушь.
Широконосый и раскосый
С жестковолосой бородой
Расставит в воздухе вопросы:
Вопрос — один; вопрос — другой;
150 Неразрешимые вопросы ...
Так над синеющим цветком,
Танцуя в воздухе немом,
Жужжат оранжевые осы.

И было: много, много дум;
И метафизики, и шумов ...

- И строгой физикой мой ум
Переполнял: профессор Умов⁷.
Над мглой космической он пел,
Развив власы и выгнув выю,
160 Что парадоксами Максвелл⁸
Уничтожает энтропию,
Что взрывы, полные игры,
Таят томсоновы вихри⁹,
И что огромные миры
В атомных силах не утихли,

7. Профессор физики Московского Университета в 900-тых годах.

8. Известный физик.

9. Томсон — Английский физик, автор теории вихревого строения вселенной.

Что мысль, как динамит, летит
Смелей, прикидчивей и прыгче,
Что опыт — новый...

— “Мир — взлетит!”
Сказал, взрываясь, Фридрих Нитче...

- 170 Мир — рвался в опытах Кюри
Атомной, лопнувшей бомбой
На электронные струи
Невоплощенной гекатомбой;
Я — сын эфира, Человек, —
Свиваю со стези надмирной
Своей порфирию эфирной
За миром мир, за веком век.

- Из непотухнувшего гула,
Взметая брызги, взвой огня,
180 Волною музыки меня
Стихия жизни оплеснула:
Из летаргического сна
В разрыв трагической культуры,
Где бездна гибельна (без дна!), —
Я, ахнув, рухнул в сумрак хмурый, —

— Как Далай-Лама молодой
С белоголовых Гималаев, —

Передробляемой звездой,
На зыби, зыблемые Майей...

- 190 В душе, органом проиграв,
Дни, как орнамент, полетели,
Взвиваясь запахами трав,
Взвиваясь запахом мятели.
И вейл Май — взвивной метой;
Июнь — серьюгой бирюзовой;
Сентябрь — листвою золотой;
Декабрь — пургой белоголовой.
О, лазулитовая лень,
О, меланитовые очи!
200 Ты, колокольчик белый, — день!
Ты, колокольчик синий, — ночи!

Дышал граненый мой флакон;
Меня онежили *уайт-розы*¹⁰,
Зеленосладкие, как сон,
Зеленогорькие, как слезы.

- В мои строфические дни
И в симфонические игры,
Багрея, зрели из зари
Дионисические тигры...
- 210 Перчатка белая в руке;
Сюртук — зеленый: с белым кантом...
В меня лобзавшем ветерке
Я выглядел немного франтом,
Умея дам интриговать
Своим резвящимся рассудком
И мысли легкие пускать,
Как мотыльки по незабудкам;
Вопросов комариный рой
Умел развеять в быстротечность,
- 220 И — озадачить вдруг игрой, —
Улыбкой, брошенной... в вечность...
Духовный, негреховный свет, —
— Как нежный свет снегов нездешних,
Как духовеющий завет,
Как поцелуи зовов нежных,
Как струи слова Заратустр, —
- Вставал из ночи темнолонной...
Я помню: переливы люстр;
Я помню: зал белоколонный
- 230 Звучит Бетховеном, волной;
И *Благородное Собрание*¹¹, —
- Как мир — родной (как мир весной),
Как старой драмы замиранье,
Как то, что смеет жизнь пропеть,
Как то, что веет в детской бере...

2.

- На серой вычищенной двери
Литая, чищенная медь...
- Бывало: пламенная вьюга;
И в ней — прослеженная стезь;
Томя предчувствиями юга,
Бывало, все взрывает здесь;
В глазах полутеней и светов,
Мне лепестящих, нежных цветов
Яснеет снежистая смесь;
- 10 Следя перемокревшим снегом,

11. Зал Благородного Собрания — Московский концертный зал в 900-тых годах.

- Озябший, заметённый весь,
Бывало, я звонился здесь
Отдаться пиршественным негам.
Михал Сергеич Соловьев,
Дверь отворивши мне без слов,
Худой и бледный, кроя пледом
Давно простуженную грудь,
Лучистым золотистым следом
Свечи указывал мне путь,
- 20 Качаясь мерною походкой,
Золотохохлой головой,
Золотохохлою бородкой, —
Прищурый, слабый, но живой.
- Сутуловатый, малорослый
И бледноносый — подойдет,
И я почувствую, что — взрослый.
Что мне идет двадцатый год;
И вот, конфузясь и дичая,
За круглым ласковым столом
- 30 Хлебну крепчающего чая
С ароматическим душком;
Михал Сергеич повернется
Ко мне из кресла цвета “бискр”;
Стекло пенснэйное проснется,
Переплеснется блеском искр;
Развеяв веером вопросы
Он чубуком из янтара, —
Дымит струями папиросы,
Голубоглазит на меня;
- 40 И ароматом странной веры
Окурит каждый мой вопрос;
И мне навеяв атмосферы,
В дымки просовывает нос,
Переложив на ногу ногу,
Перетрясая пепел свой...
- Он — длань, протянутая к Богу
Сквозь нежный ветер пурговой!
- Бывало, сбрасывает повязь
С груди — переливной, родной:
- 50 Глаза — готическая прорезь;
Рассудок — розблеск искрянной!
Он видит в жизни пустоглазой
Рои лелеемых эмблем,
Интересуясь новой фазой
Космологических проблем,
Переплетая теоремы
С ангелологией Фомы;
И — да: его за эти темы
Ужасно уважаем мы;

60 Он книголюб: любитель фабул,
Знаток, быть может, инкунабул,
Слагатель не случайных слов,
Случайно не вещавших миру,
Которым следовать готов
Один Владимир Соловьев...

Я полюбил укромный кров —
Гостеприимную квартиру...

Зимой, в пурговые раскаты
Звучало здесь "На век одно!"

70 Весною — красные закаты
Пылали в красное окно,
На кружевные занавески,
Лия литые янтари;
Любил египетские фрески
На выцветающих драпри,
Седую мебель, тюли, даже
Любил обои цвета "бискр", —
Рассказы смазанных пейзажей,
Рассказы красочные искр.

80 Казалось: милая квартира
Таила летописи мира.

О. М., жена его, — мой друг,
Художница —

— (в глухую осень

Я с ней... Позвольте — да: лет восемь
По вечерам делил досуг) —

Молилась на Четьи-Минеи,
Переводила де-Виньи;
Ее пленяли Пиренеи,
Кармен, Барбье д'Оревилльи,

90 Цветы и тюлевые шали —
Все переписывалась с "Алей",
Которой сын писал стихи,
Которого по воле рока
Послал мне жизни бурелом;
Так имя Александра Блока
Произносилось за столом
"Сережей", сыном их: он — мистик,
Голубоглазый гимназистик:
О Логосе мы спорим с ним,
100 Не соглашаясь с Трубецким,
Но, соглашаясь с новым словом,
Провозглашенным Соловьевым
О "Деве Радужных Ворот"¹,

1. Гностический термин Софии, Премудрости, встречаемый в стихотворении Вл. Соловьева: "Не Изиды Трехвенечная ту весну им принесет, а не тронутая, вечная, "Дева Радужных Ворот"..."

О деве, что на нас сойдет,
Овеяв бирюзовым зовом,
Всегда таимая средь нас:
Взирала из любимых глаз.

- “Сережа Соловьев” — ребенок,
Живой смысленный ангеленок,
110 Над детской комнаткой своей
Восставший рано из пеленок, —
Роднею Соловьевской всей
Он встречен был, как Моисей:
Две бабушки, четыре дяди,
И кажется, шестнадцать тетъ
Его выращивали пяди,
Но сохранил его Господь;
Трех лет, ну право же-с, ей-Богу-с, —
Трех лет (скажу без лишних слов),
120 Трех лет ему открылся Логос,
Шести — Григорий Богослов,
Семи — словарь французских слов;
Перелagать свои святыни
Уже с четырнадцати лет
Умея в звучные латыни,
Он — вот, провидец и поэт,
Ключарь небес, матерый мистик,
Голубоглазый гимназистик, —
Взирает в очи Сони Н-ой,
130 Огромный заклокочив клочень;
Мне блещут очи — очень, очень —
Надежды Львовны Зариной.
Так соглашаясь с Соловьевым,
Провидим Тайную весной:
Он — Сонечку, живую зовом;
Я — Заревую: в Зариной...

- Она!... Мы в ней души не чаем...
Но кто она?... Сидим за чаем:
Под хохот громкий пурговой
140 Вопрос решаем роковой.
Часы летят... Не замечаем...
— “Скажи, тобой увлечена
Надежда Львовна Зарина?..”
— “Не знаю я...”

— “Быть может?”

— “А?!”

Михал Сергеич повернется
Ко мне из кресла цвета “бискр”;

Стекло пенснэйное проснется,
Переплеснется блеском искр;
Его он сбрасывает кротко
150 Золотохохлой головой
С золотохохлою бородкой
Прищурый, слабый, но живой;
И клонит кончик носа снова,
В судьбу вопроса рокового:
— “Надежда Львовна Зарина?
Как?!. Воплощение Софии?..”

“В ней мне пророчески ясна
Судьба священная России:
Она есть Львовна, дочка Льва;
160 Лев — символический, Иудин...”

— “Зарин, Лев Львович, — пошлый франт?
Безусый, лысый коммерсант?”

“Вопрос гностически не труден:
Серапис, или Апис, — бык,
Таящий неба громкий зык,
Есть только символ чрезвычайный
Какой-то сокровенной тайны...”

— “Ну хорошо, а что есть Лев?”

— “Иудин Лев — веков напев”.

.....

170 Высокий, бледный и сутулый,
Ты где, Сережа, милый брат;
Глаза — пророческие гулы,
Глаза, вперенные в закат:
Выходишь в Вечность... на Арбат²;
Бывало: бродишь ты без речи;
И мне ясней слышна, видна:
Арбата юная весна,
Твоя сутулая спина,
Твои приподнятые плечи,
180 Бульваров первая трава.
И вдруг: как на зеркальной зыбке
Пройдут пузырьками рыбки, —
Меж нами умные слова
И вовсе детские улыбки:
И разговор о сем, о том,
О бесконечности, о Бrame,

- О Вечности, огромной даме,
Перерастают толстый том;
И на Арбате мчатся в Вечность:
- 190 Пролеток черных быстротечность,
Рабочий, гимназист, кадет...;
Проходят, ветер взвив одежды,
Глупцы, ученые, невежды;
Зарозовеет тихий свет
С зеленой вывески: "Надежды"³
Над далью дней и далью лет...
- Смутяся уличною давкой,
Смутяся колониальной лавкой,
Я упраздняю это все:
- 200 "Мир — представление мое!"
Ты — пламенный, в крылатке серой
Средь зданий, каменных пустынь:
Глаза, открытые без меры, —
В междупланетную ледынь,
Свои расширенные сини
Бросают, как немой вопрос,
Под шапкой пепельных волос.
- Бывало: за Девичьим Полем
Проходит клиник белый рой;
210 Мы тайну сладостную волим,
Вздыхаем радостной игрой:
В волнах лучистого эфира
Читаем летописи мира.
Из перегаров красных трав
В золотокарей пыли летней,
Порывом пыли плащ взорвав,
Шуршат мистические сплетни...
Проходит за-городом: лес
Качнется в небе бирюзовом;
- 220 Проснется зов: "Воанергес!"
Пахнет: Иоанном Богословом...
И — возникает в неба ширь
Новодевичий Монастырь.
- Огромный розовый собор
Подъемлет купол златозор;
А небо — камень амиант —
Бросает первый бриллиант;
Забирюзевший легкий пруд,
Переливаясь в изумруд,
- 230 Дробим зеркальною волной;
И — столб летает искряной...

Там небо бледное, упав,
Перетянулось в пояс трав;
Там бездна — вверх, и бездна — вниз:
Из бледных воздушов и риз;
Там в берега плеснет волной —
Молниеносною блеснёт...

Из мира, суетной тюрьмы, —
В ограду молча входим мы...

- 240 Крестов протянутая тень
В густую душную сирень,
Где ходит в зелени сырой
Монашек рясофорный рой,
Где облак розовый сквозит,
Где нежный воздух бирюзит;
Здесь, сердце вещее, — измлей
В печаль белеющих лилей;
В лилово-розовый левкой
Усопших, Боже, упокой...

- 250 Присел захожий старичок,
Склонясь на палку... В ветерок —
Слетают скорбные листы;
Подъемлют сохлые кресты
Плач переблеклых огоньков
И кланч фарфоровых венков.
Ты, сердце, — неумолчный стриж —
Кого зовешь, о чем визжишь?

Кроваво-красная луна
Уже печальна и бледна...

- 260 Из церкви в зелени сырой
Проходит в кельи черный рой;
Рукопростертые кресты
Столпились в ночь... Приди же, Ты, —
Из прежних дней, из прежних лет!..
В часовне — цветоблеклый свет:
В часовне житель гробовой
К стеклу прижался головой;
И в стекла красные глядит,
И в стекла красные стучит.
- 270 Чуть фосфореющий из трав,
Сквозною головою встав, —
Подъемлет инок неживой
Над аналоем куколь свой...
-
-

- О, незабвенные прогулки,
О, незабвенные мечты,
Москвы кривые переулки...
Промчалось все: где, юность, ты!...
Перемелькали наши взлеты
На крыльях дружбы и вражды
- 280 В неотрывные миголеты,
В неотразимые судьбы,
Чтоб из сумятицы несвязной,
И из невнятиц бытия
В тиски подагры неотвязной
Склонился лысиною я.
Зальются слабнущие светы
Под марамóрохом⁴ зимы
Переливной струею Леты,
Незаливной струею тьмы...
- 290 Рассудку, рухнувшему, больно, —
Рассудку, тухнущему в ночь...
И возникают сны невольно,
Которых мне не превозмочь...
.....
Да, — и опора в детской вере,
И Провидения рука —
На этой вычищенной двери
Литая, медная доска:
Михаил Сергеевич Соловьев
(С таких то до таких часов).
.....
- 300 Здесь возникал салон московский,
Где из далекой мне земли, —
Ключевский, Брюсов, Мережковский
Впервые предо мной прошли.
Бывало: —
— снеговая стая —
Сплошное белое пятно —
Бросает крик, слетая, тая —
В запорошенное окно;
Поет под небо белый гейзер:
Так заливается свирель;
310 Так на эстраде Гольденвейзер⁵
Берет уверенную трель.
Бывало: в вой седоволосый
Пройдет из Вечности самой
Снегами строящий вопросы
Черноволосою космой, —
Захохотавший в вой софистик,

4. Мараморохи — народное выражение: в значении “мороки.”
5. Известный московский пьянист.

320 Я не люблю характеристик,
Но все-таки... —

Как бы согнувшийся с ходулей,
Войдет, и — вспыхнувшим зрачком
В сердца ударится, как пулей;
Трясем рукопожатьем мы
Его беспомощные кисти,
Как ветром неживой зимы
Когда-то свеянные листья;
Над чернокоской бородой,

340 Атомистические бредни,
Что декаденты — да, да, да! —
Свершают черные обеды
(Они — пустое решето:
Козлят не с Музой — с сатирессой,
И увенчает их за то
Патриотическая пресса),
Что над Россией — тайный враг
(Чума, монголы, эфиопы),
Что земли портящий овраг

Судьба трагическая дышит
Атмосферическим дымком,
И в "Новом Времени" о том
Демчинский знает, но не пишет:
— "В сознание нашем кавардак:

37

Так в ночи вспыхивает магний;
 Бьет электрический магнит;
 И над поклонниками Агни,
 370 Взлетев, из джунглей заогнит;
 Так погромыхивает в туче
 Толпа прохожих громарей;
 Так плещут в зыбине летучей,
 Сребрея, сети рыбарей.

 За ним вдогонку — следом, следом,
 Михал Сергеич делит путь,
 Безмолвный, ровный, кроя пледом
 Давно простуженную грудь,
 Потев в вязаной рубашке,
 380 Со столика приняв поднос,
 На столике расставив шашки,
 Над столиком поставив нос;
 И скажет в пепел папирос
 В ответ на новости такие:
 — “Под дымкой — все; и всюду — тень...
 Но не скудеет Мирликия...⁶
 Однако ж... будет: Духов день!”

Свой мякиш разжевавши хлеба,
 Сережа Соловьев под небо
 390 Воскликнет — твердый, как кремь:
 — “Не оскудела Мирликия!...
 А ну-ка все, кому не лень,
 В ответ на дерзости такие, —
 В Москве устроим Духов день!”
 Но Соловьев, не отвечая,
 Снедаем мировой борьбой,
 Проглотит молча чашку чая,
 Рукой бросаясь, как на бой,
 На доску: он уткнется в шашки;
 400 И поражают худобой
 Его обтянутые ляжки;
 Бывало он пройдет к шинели:
 В меха шинели кроет взор;
 И — удаляется в метели:
 Седою головой в бобер;
 А вихри свистами софистик
 Всклопочут бледный кругозор!
 Привзвизгнут: “Вот великий мистик!”
 И — пересвищут за забор!

410 А мы молчим, одним объаты;
 В веках — одно: навек одно...

6. Родина Николая Чудотворца: аллегорически — “Страна Чудес”.

А перезвоны, перекаты
Снежат, как призраки в окно;
А лампа бросит в занавески,
Свои литые янтари;
Молчат египетские фрески
На выцветавших драпри.
Михал Сергеич повернется
Ко мне из кресла цвета "бискр";
420 Стекло пенснэйное проснется,
Переплеснется блеском искр...

Он — канул в Вечность: без возврата;
Прошел в восторг нездешних мест:
В монастыре, в волнах заката, —
Рукопростертый, белый крест
Стоит, как память дорогая;
Бывало он, — оśnieжен весь,
Светлеет, огоньком мигая;
Бывало, все взрывает здесь:
430 Играет скатерть парчевая,
Снегами воздуха взвивая;
И в ней — прослѣженная стезь;
Хрустя перемокшевым снегом,
Беги сюда отдаться негам,
Озябший, заметенный весь.

Так всякий: поживет, и — помер,
И — принят под такой-то номер.

3.

Под стук сердец — "в концерт, в концерт" —
Мудрец, юнец. Но что их манит,
То — запечатанный конверт:
Словами тайными обманет;
Немой, загаданный глагол,
Неизрекаемый, — он волит:
То марамóрохами зол,
То добрым делом соглаголет;
Изранит стуками минут,
10 Багрянит, звуками измуча, —
Такой мяукающий зуд,
Такая дующая туча!..

Звук множит бестолочь голов
И гложет огненное сердце;
И в звуках нет толковых слов;
Здесь не найдешь единовѣрца;
Из мысли: вылетят орлы;
Из сердца: выйдет образ львиный;

- Из воли: толстые воли...
- 20 Из звука: мир многоединый.
 Тот, звуковой, — во все излит;
 Та, звуковая, — золотая;
 И этот — камень лазулит;
 И этот — пламенная стая.
- У той: —
 — Над златокарей згой
 Град Гелиополь: дева Отис,
 Милуясь лепетной серьгой
 Целует цветик, миозотис;
 Рогами гранными, как чорт,
 30 Туда — в века, в лазури-ляпис —
 Граниторозовый простерт
 В нее влюбленный, странный Апис.
- У этой: —
 — вытечет титан,
 Златоголовый, змееногий;
 Отзолотит в сырой туман:
 И — выгорит, немой и строгий;
 Седое облако висит
 И, молний полное, блистает,
 Очами молний говорит,
 40 Багровой зубриной слетает,
 Громово тарарахнув в дуб
 Под хохотом Загрея-Зевса...

Вот этот вот: он — туп, как... пуп:
 Прочел — приват-доцента Гревса...

- И дирижирует: Главач¹
 И дирижирует: Сафонов²...
 И, фанфаронит: часто — врач;
 И, солдафонит: каста "фонов";
 Интерферируя наш взгляд
 50 И озонируя дыханье,
 Мне музыкальный звукоряд
 Отображает мирозданье —
 От безобразий городских
 До тайн безобразий Эреба,
 До света образов людских
 Многообразиями неба;
 Восстонет в ночь эфирный пад,
 В зонах гонит бури знаков:
 Золотокосых Ореад,
 60 Златоколесых зодиаков...
-

1. Петербургский дирижер 900-х годов.
 2. Директор Московской консерватории этого времени.

Стой — ты, как конь, заржавший стих —
 Как конь, задравший хвост строками —
 Будь прост, четырехстопен, тих:
 Не топай в уши мне веками;
 Ведь я не проживу ста лет...
 Я — вот... Я — здесь: студент московский,
 Я — на подъезде...

Люстры свет.

- И — Алексей Сергеич П-овский...
 И — сердца бег, и — сердца стук.
 70 Сердца — бегут: на звуки... Верьте, —
 В субботу вечером наш круг
 На Симфоническом концерте ..

- Проходят, тащатся, текут;
 Вокруг — шпалеры кавалеров:
 Купцов, ученых, миллионеров
 (Седых, муругих, пегих, серых!);
 Марковников профессор — тут;
 Бурбон... И — рой матрон “мегёрых”,
 И — шу-шу-шу, и — ша-ша-ша,
 80 И — хвост оторван: антраша...
 Багровая профессорша;
 За ней в очках профессор тощий
 Несет изглоданные мощи
 И — злое, женино боа;
 Вот туалет Минангуá³:
 Одни сплошные валансьены;
 И — тонкий торс; и юбка “клошь”, —
 Не шумно зыблемая рожь,
 Не шумно зыблемые пены;
 90 Блистая ручкой костяной,
 Взлетает веер кружевной...
 О, эти розовые феи!..
 О, эти голубые!.. Ишь: —

Красножилетые лакеи
 Играют веером афиш.

- Графиня толстая, Толста́я,
 Уж загляделась в свой лорнет...
 Выходит музыкантов стая;
 В ней кто-то, лысиной блистая,
 100 Чихает, фраком отлетая,
 И продувает свой кларнет...
 Возня, переговоры... Скрежет:
 И трудный гуд, и нудный зуд —

Так ноет зуб, так нудит блуд...
Кто это там пилит и режет?
Натянуто пустое дно, —
Долдонит бебень барабана,
Как пузо выпуклого жбана:
И тупо, тупо бьет оно...

- 110 О, невозможные моменты:
Струнят и строят инструменты...

Вдруг!..

Весь — мурашки и мороз!
Между ресницами — стрекозы!
В озонных жилах — пламя роз!
В носу — весенние мимозы!

- Она пройдет — озарена:
Огней зарней, неопалимей...
Надежда Львовна Зарина
Ее не имя, а — “*во-имя!*...”
- 120 Браслеты — трепетный восторг —
Бросают лепетные слезы;
Во взорах — горний Сведенборг;
Колье — алмазные морозы;
Серьга — забрежжившая жизнь;
Вуаль провеявшая — трепет;
Кисей вуалевая брызнь
И юбка палевая — лепет;
А тайный розовый огонь,
Перебегая по ланитам
- 130 В ресниц прищуренную сонь,
Их опаливший меланитом, —
Блеснет, как северная даль,
В сквозные, веерные речи...
Летит вуалевая шаль
На бледнопалевые плечи.

- И я, как гиблый Гибеллин,
У Гвельфов ног, — без слов, без цели:
Ее потешный паладин...
Она — Мадонна Рафаэля!
- 140 Пройдет, — мы, вспыхнувши, вздохнем,
Идиотически ослабнем...
Пройдет с раскосым стариком,
С курносым, с безволосым бабнем —
Пройдет, и сядет в первый ряд.
Смеясь без мысли и без речи⁴;

И на фарфоровые плечи,
 Переливаясь, бросят взгляд —
 Все электрические свечи.
 И ей бросает оклик свой —
 150 Такой простой, — Танеев-мейстер⁵;
 Биноклит в ложе боковой
 Красавец обер-полицмейстер⁶.

Взойдет на дирижерский пульт,
 Пересекая рой поклонов,
 Приподымая громкий культ,
 Ее почтенный жрец, — Сафонов:
 Кидаясь белой бородой
 И кулаками на фаготы, —
 Короткий, толстый и седой, —
 160 Он выборматывает что-то;
 Под люстры палочкой мигнув⁷,
 Душой, манжетом, фалдой, фракком
 И лаком лысины метнув, —
 Валторну поздравляет с браком;
 И в строгий разговор валторн
 Фаготы прорицают хором,
 Как речь пророческая Норн,
 Как каркнувший Вотанов ворон;
 А он, подняв свою ладонь
 170 В речитативы вьолончеля:
 — “Валторну строгую не тронь:
 Она — Мадонна Рафаэля!”
 И после, из седых усов
 Надувши пухнувшие губы
 На флейт перепелиный зов, —
 Приказ выкидывает в трубы;
 И под Васильем Ильичом,
 Руководимые Гржимали,⁸
 Все скрипоканты провизжали,
 180 Поставив ноги калачом.

Бесперый прапор подбородком
 Попав в просаки — с'кон'анель —
 Пройдет по ноткам, как по водкам,
 Устами разливая хмель;
 Задушен фракком, толст и розов,
 Ладонью хлопнув в переплеск,
 Подтопнув, — лысиной Морозов

5. С. И. Танеев, композитор, теоретик музыки и бывший директор Московской Консерватории.

6. Впоследствии по всей России известный Ф. Трепов.

7. Впоследствии Сафонов дирижировал без палочки.

8. Гржимали, исполнявший первую скрипку в оркестре, проф Моск. Консерватории.

- Надуто лопается в блеск;⁹
 За ним — в разлив фиоритуры,
 190 Бросаясь головой, карга
 Выводит челчиком фигуры:
 И чертит *па*, и вертит *туры*
 Под платьем плисовым нога:
 Дрожа, дробясь в колоратуры,
 Играет страстная серьга;
 Пятно все то же щурым ликом
 На руку нервную легло:
 Склоняет Скрябин¹⁰ бледным тиком
 Необъяснимое чело,
 200 И — пролетит скрипичным криком
 В рои гностических эмблем,
 Мигая из пустых эонов;
 Рукою твердой тему тем
 За ним выводит из тромбонов
 Там размахавшийся Сафонов:
 Кидаясь белой бородой
 И кулаками на фаготы, —
 Короткий, толстый и немой,
 Как бы вынюхивает что-то;
 210 Присядет, вскинув в воздух нос:
 Вопрос, разнос во взгляде хитром;
 И стойку сделавши, как пёс,
 Несется снова над попитром;
 Задохнется и — оборвет,
 Платком со лба стирает пот;
 И разделяется поклоном
 Меж первым рядом и балконом.
- И постоит, и помолчит,
 И по попитру постучит:
 220 И — все листы перевернулись;
 Сердца, как в бой, сердца — рванулись...
 И вновь — вскипающая новь;
 И вновь — всклокоченная бровь;
 И вновь — пройдутся фалды фрака;
 И стаю звуков гонит он,
 Как зайца гончая собака, —
 На возникающий тромбон.
- Над пухоперою каргою,
 Над челчиком ее счернён
 230 Жеребчиком мышиным — "он",
 Кто вьется пенною пургою

9. М. А. Морозов, московский меценат того времени (смотри портрет Серова).

10. Посетитель Симф. концертов того времени.

И льет разменною деньгою,
 Кто ночью входит в пёстрый сон
 И остро бродит в ней — счернён —
 Над ней, над нами, над вселенной
 Из дней, своими снами пленный;
 Он — тот, который есть не он,
 Кому название легион:
 Двойкий, многоякий, всякий,
 240 Иль просто окончанье, "Ий",
 Виющийся, старинный змий, —
 В свои затягивает хмури,
 Свои протягивает дури:
 Он — пепелеющая лень
 И — тяготеющая тень;
 Как Мефистофель, всем постылый,
 Упорным профилем, как чорт, —
 Рассудок, комик свинорылый:
 К валторне черной он простерт;
 250 Как снег, в овьюженные крыши,
 Как в мысли, гложащие мышши, —
 В мечты, возвышенные свыше, —
 Бросает сверженную сушь:
 Сухую прописную чушь;
 Упавшим фраком ночь простерши,
 Кликуши-души, — ходит он —
 Кликуши-души — горше, горше —
 Упавшим фраком — душит: в сон!..

Черней, упорней гром в валторне:
 260 Грознее, озорней Она
 Грозой молниеносной, горней —
 Грозою гор озарена: —

— Так дымом пепелит и мглоет
 Виеголовый, мгловый слой;
 Как змий, он отдымит, ответ
 В багровом горизонте мглой:
 Слезами облако, светая,
 Слезами полное, молчит;
 И в волны, в воздух — тая, тая, —
 270 Глазами молнии дрожит,
 Как воздыханиями арфы,
 Как лепетанием струны —

Души — Марию зрящей Марфы —
 Из просветленной глубины!..

И бросят в арфы, — шали, шарфы,
 Вздыхая раей дорогой, —
 Вон те, Марии, эти Марфы,

Над жизнью, старую каргой.

Вы, сестры —

- 280 — (Ты, Любовь — как роза,
Ты, Вера, — трепетный восторг,
Надежда — лепетные слезы,
София — горний Сведенборг!)

- Соединив четыре силы
В тройкой были глубиной,
Меня примите из могилы,
Светите оком — Той, Одной, —
Мечтой вуалевой, как трепет,
Несущей далевую жизнь
На опечаленный мой лепет
290 Сквозь звуков маревную жизнь.

Моя Надежда, дева Отис,
Милуясь лепетной серьгой,
Вдыхая цветик, миозотис,
Из зовов арфы дорогой,
Бросает взор, лазури-ляпис,
В воздухолетный септакорд:
И взор, читая звуков запись,
Над миром —
— Аписом —
— простерт!

- Перебегает по ланитам
300 В ресниц прищуренную сонь,
Их опаляя меланитом,
Таимый розовый огонь.

С неименуемую силой
С неизреченных аллилуй
Ко мне, волнуемому Милой,
Мгновенный свеян поцелуй.

- Так из блистающих лазурей
Глазами полными огня,¹¹
Ты запевающе бурей
310 Забриллиантилась — в меня:
Из вышины — разгулы света;
Из глубины — пахнуло тьмой;
И я был взят из молний лета
До ужаса — Тобой: Самой!
Ты на меня сходила снами

11. Строка Лермонтова "С глазами полными лазурного огня" перешла в тему Вл. Соловьева "Три свидания", откуда попала в сокращенном виде в мою поэму.

- Из миротворной тишины:
 Моей застенчивой весны
 Оголубила глубинами;
 И мне открылась звуком бурь
- 320 Катастрофической цевницы
 И милоглазая лазурь,
 И поцелуйная денница:
 Ее, о время, — опурпурь!
- Благонамеренные люди,
 Благоразумью отданы:
 Не им, не им вздыхать о чуде,
 Не им — святые ерунды...
 О, не летающие! К тверди
 Не поднимающие глаз!
- 330 Вы — переломанные жерди:
 Жалею вас — жалею вас!
 Не упадет на ваши бельма
 (Где жизни нет — где жизни нет!) —
 Не упадет огонь Сент-Эльма
 И не обдаст Дамасский свет.
 О, ваша совесть так спокойна;
 И ваша повесть так ясна:
 Так не безумно, так пристойно
 Дойти до дна — дойти до дна.
- 340 В вас несвершаемые леты
 Неутоляемой алчбы —
 Неразрывные миголеты
 Неотражаемой судьбы...
 Жена — в постели; в кухне — повар;
 И — положение, и вес;
 И положительный ваш говор
 Переполняет свод небес:
 Так выбивают полотеры
 Пустые, пыльные ковры...
- 350 У вас — потухнувшие взоры...
 Для вас и небо — без игры!..
-

- Мои мистические дали
 Смычком взвивались заливым,
 Смычком плаксивым и родным —
 Смычком профессора Гржимали:
 Он под Васильем Ильичом
 (Расставив ноги калачом), —
 Который, —
 — чаля из эонов
- На шар земной, — объятый тьмой,
- 360 Рукою твердой на тромбонах
 Плывет назад — в Москву, домой:
 Слетит, в телодвижение хитром

Вдруг очутившись над пюпитром,
Поставит точку: оборвет,
Сопит и капли пота льет,
И повернувшись к первой скрипке,
Жмет руки и дарит улыбки,
Главой склоняясь в первый ряд,
Где на фарфоровые плечи,
370 Переливаясь, бросят взгляд,
Все электрические свечи;
Задушен фраком, толст и розов,
Ладонью хлопнув в переплеск,
Бросаясь лысиной, — Морозов
Надуто лопается в блеск.

И вот идет, огней зарнимей
Сама собой озарена,
Неся, как трэн, свое “во-имя,” —
Надежда Львовна Зарина;
380 Вуали — лепетные слезы;
Браслеты — трепетный восторг;
Во взорах — горний Сведенборг;
Колье — алмазные морозы:
Блеснет, как северная даль,
В сквозные, веерные речи;
Летит вуалевая шаль
На бледно палевые плечи...

— “Скажи, тобой увлечена
Надежда Львовна Зарина?”
390 — “Не знаю я...”
— “Быть может?”
— “Да!”

Выходит музыкантов стая,
И кто-то, фраком отлетая,
В чехол слагает свой кларнет...
Пустеет зал и гаснет свет...

У двери — черные шпалеры;
Стоят: мегеры, кавалеры;
И — ша-ша-ша: шуршат, спеша,
Атласами спускаясь с хоров...
— “Не та калоша: Каллаша!”¹²
400 Стыдливо низится Егоров;¹³
Лысеет химик Каблуков¹⁴

12. Каллаш — московский писатель и критик.

13. Математик.

14. Проф. Моск. Университета.

Проходит в топот каблуков;
Проходит Нос¹⁵ — по воле рока
Он, вы представьте, — без Шенрока!
Выходим!..

4.

...Вижу этих дам —
В боа — дородных, благородных;
И — тех: пернатых, страстных дам,
Прекрасных дам в ротондах модных...

Костров каленые столбы
Взовьются в кубовые сини
Из-за редющей толпы;
Стрекозы, рдеющие в иней,
Метаясь, гаснут всем, что есть;
10 Мордастый кучер прогигикнет;
Снегами радостная весть,
Слетая, сладостно воскликнет;
И прометет — и пронесет
Квадратом лаковым из ночи,
Ударит конским потом в рот,
Завертит огненные очи,
Очертит очерк дорогой
Из соболей в окне кареты...

Вдали слезливою серьгой
20 Играют газовые светы...

И все, что было, все, что есть —
Снеговерченье ясных далей,
Светомолений светлых весть,
Перелетание спиралей!

Но взвоят улицей зима... —

И быстроногою фигурой,
Из ног выметываясь, тьма
Растет и сумеречит хмуρο
На белобокие дома;
30 И мнится: темные лемуры,
Немые мимы, — из зимы,
Мигая мимо, строят туры
И зреют речью:

— "Ты и мы!.."

Иду, покорный и унылый
Четвероногим двойником:

15. Прис. пов. Нос — посетитель концертов того времени.

И — звезденеет дух двукрылый;
И — леденеет косный ком;
Перемерзая и мерца,
Играя роем хрусталей,

- 40 Налью из зеркала лица я
Перезеркаленных лилей, —
И там, под маской, многогрешный,
Всклобочу безысходный срам,
Чтобы из жизни встал крошечный
Бесцельный, сумасшедший храм...

Взлетайте выше, злые мимы,
Несясь вдоль крыши снеговой,
Мигая мимо — в зимы, в дымы —
Моей косматой головой!..

- 50 О, обступите — люди, люди:
Меня спасите от меня;
Сомкните молнийные груди
Сердцами, полными огня.
Я — зримый — зеркало стремлений,
Гранимый призраком алмаз
Пересеченных преломлений:
Мигнув, отбрасываюсь — в вас,
Как переполненный судьбою
На вас возложенный венец:

- 60 Созрею, отдаваясь бою
Родимых, греющих сердец.
Вы — подойдете, я — ошолбенен;
Вы — отойдете, я — не тот: —
Я переломлен, переполнен
Переполюсами пустот,
Как тени пушкетный конус,
Как облачка высотный лет,
Как бессердечный, вечный тонус
Несуществующих высот.

- 70 На тучах строятся фигуры:
И я — изъятьем лицевым,
Дробимый, сумеречный, хмурый,
Несусь по кучам снеговым;
Из ног случайного повесы
Тянусь — безвесый, никакой:
Меня выращивают бесы.
Невыразимую тоской...
Мы — неживые, неродные, —
Спираль чужих-то чуждых глаз:

- 80 Мы — зеркала переливные —
Играем в ясный пушкетный;
На стенах летом пляшут пятна;
В стакане светом пляшет винт;

И все — так странно непонятно;
И все — какой-то лабиринт...
Глаза — в глаза!... Бирюзовеет...
Меж глаз — меж нас — я воскрешен;
И вестью первую провеет:
Не — ты, не — я!.. Но — мы: но — Он!

- 90 А ум, насмешливый как леший,
Ведет по плоскости иной:
Мы чешем розовые плечи
Под бирюзовую весной;
Перемудрим, перевопросим,
Не переспросим, не пойдем,
Мечту безвременную бросим,
По жизни бременно пройдем;
И не выносим, и ругаем
В летах переблиставший дым:
- 100 Бодаем жалобным бугаем,¹
Брыкаем мерином седым.
Рассудок, свинорылый комик,
Порою скажет в зовы зорь,
Что лучше деревянный домик,
Чем эта каменная хворь;
И спрячет голову, как страус,
Отскочит в сторону, как пёс,
Вмаячив безысходный хаос,
В свой обиходный, злой "xavós"...
- 110 Переварив дары природы
Тупыми животами, — мы
Перетопатываем годы;
И — утопатываем в тьмы.

Вставайте, морочные смены,
Пустовороты бытия,
Как пусто лопнувшие пены, —
Да, вас благословляю я!
Бросай туда, в златое море,
В мои потопные года —

- 120 Мое рыдающее горе
Свое сверкающее: "Да!"
Невыразимая Осанна,
Неотразимая звезда,
Ты Откровением Иоанна
Приоткрывалась: навсегда.

Кропя духами Аткинсона
Ей ометеленный подъезд,
Пред Нею, тайною иконой,

1. "Бугай" — бык по-малороссийски.

Я упивался блеском звезд;
130 Она ко мне сходила снами
Из миротворной глубины
И голубила глубинами
Моей застенчивой весны;
Персты орфической цевницы
Приоткрывали звуком бурь
И поцелуйные денницы,
И милоглазую лазурь.

Остановясь перед киотом,
Бывало, пав под фонарем,
140 Я, полоненный миголетом,
Молением тихим осенен;
В белопокровы, в ветроплясы
Метаясь светелицей на нас,
Влача свистящие атласы,
Вставал алмазноглазый Спас.
Бывало: белый переулок
В снегу — дымит; и снег — летит.
И Богоматерь в переулок
Слезой перловою глядит.
150 Бегу Пречистенкою... Мимо...
Куда? Мета — замечена,
Но чистотой необъяснимой
Пустая улица ясна.

Кто там, всклокоченный шинелью,
Скрыв озабоченный свой взор,
Прошел пророческой метелью
(Седую головой — в бобер),
Взвываясь в вой седоволосый,
Своей космою пурговой,
160 Снегами сеющий вопросы
На нас из Вечности самой.
А вихри свистами софистик
Заклокотали в кругозор,
Взвизжали: "Вот — великий мистик!"
И усвистали за забор.

Мигают звезды теософий
Из неба кубового в вой;
Провеял кризис философий,
Как некий гейзер снеговой:
170 Так в ночи вспыхивает магний,
Бьет электрический магнит;
И над поклонниками Агни,
Взлетев, из джунглей заогнит...

Бегу Пречистенкою — мимо:
Куда? Мета — замечена;

Но чистотой необъяснимой
Пустая улица ясна...

Проснулась на Девичьем Поле
Знакомым передрогом ширь:

180 — “Извозчик: стой!”

— “Со мною, что ли?”

— “В Новодевичий монастырь!..”

— “Да чтоб тебя: сломаешь сани!..”

И снова зов — знакомых слов:

— “Там — день свиданий, день восстаний...”

— “Ты кто?”

— “Владимир Соловьев:

Воспоминанием и светом
Работаю на месте этом...”

И — никого: лишь белый гейзер...

Так заливается свирель;

190 Так на рояли Гольденвейзер

Берет уверенную трель.

Бывало: церковка седая

Неопалимой Купины,²

В метели белой приседая,

Мигает мне из тишины;

Перед задумчивым киотом —

Неугасимый фонарек;

И упадает легким летом

Под светом розовый снежок.

200 Неопалимов переулок

Пургой перловою кипит;

И Богоматерь в переулок

Слезой задумчивой глядит.

ЭПИЛОГ

Двадцатилетием таимый,

Двадцатилетием чернён,

Я слышу зов многолюбимый

Сегодня, Троицыным днем, —

И под березкой кружевною,

Простертой доброю рукой,

Я смыт вздыхающей волною

В неутихающий покой.

Троицын День и Духов День
Петроград, 1921 года

2. Церковь Неопалимой Купины в Неопалимовском переулке близ Пречистенки и Девичьего Поля.

Стройте свой
Дом
В легкий лет
Поднебесий!

Руки в гром
Прострем;
И — пропоем:
“Воскресе!”

Кучино. 1931.

№ 795

ЧАША

Открылось:
Весть — весенняя!
Удар —
Молниеносный!
Разорванный, пылающий, блистающий покров:

В грядущие,
В громовые
Блистающие
Весны —
Как в радуги прозрачные, спускается: Христос!

И голос
Поднимается
Из огненного
Облака:
“Вот чаша благодатная, исполненная дней!”

И огненные
Голуби
Из огненного
Воздуха
Раскидывают светочи, как два крыла, над ней.

Арлестейм. 1914.

№ 796

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ

Поэма

1.

В глухих
Судьбинах, —
В земных
Глубинах, —

В веках,
В народах, —

В сплошных
Синеродах —

— Небес —

— Да пребудет
Весть:

— “Христос
Воскресе!”

Есть
Было
Будет.

2.

Перегорающее страдание

Сиянием

Омолнило —

Лик, —

— Как

Алмаз, —

— Когда —

— Что то,
Блеснувши неимоверно,

— Преисполнило
Этого человека,
Простирающего длани —

— От века

И

До века

— За нас;

Когда —

— Заряло

Из вне-времени

Пронизывая

Его

От темени до пяты...

И — провеяло

В ухо

Вострубленной

Бурею духа: —

— “Сын

Возлюбленный —

— Ты!”

Заря
Огромными зорями,
В небе
Прорезалась
Назаря...

Жребий
Был
Брошен.

3.

Толпы народа
На Иордани
Увидели явственно: —
— Два
Крыла.

Сиянием
Преисполнило
Длани —
— Этого
Человека; —
— И —

Перегорающим страданием
Века
Омолнилась —
— Голова.

И по толпам
Народа —
— Желтым
Маревом
Как заревом —
— Запрядала
Разорванная
Мгла, —
Над, —
— Как дым, —
— Сквозною головою, —

Веющею
Верою
Кропя
Его
Слова...

Из лазоревой окрестности
В зеленеющие
Местности
Опускалось —
— Что-то —
— Световую
Атмосферу.

Прорезывался луч
В новозаветные лета...

И, —
— Помавая
Кровавыми главами
Туч —
— Назаря
Прорезывалась —
— Славами
Света.

4.

После: —

Он —
Простер
Посинелые от муки
Руки
И
Взор —
— В пустые
Тверди;

Руки —
— Повисли,
Как жерди —
— В густые
Мраки.

Измученное, перекрученное
Тело —
— Висело
Без
Мысли.

Кровавились
Знаки,
Как —
Красные
Раны —
— На изодранных ладонях
Полутрупа.

Глаз
Остеклелою впадиною
Уставился тупо —

— В туманы
И мраки, —

Нависшие
Густо.

А

Воины в бронях, —

— Поблескивая шлемами
Проходили —

— Под
Перекладиной.

5.

Голова
Окровавленного
Лохматого
Разбойника, —

— Распятого
Как и
Он, —

Хохотом
Насмешливо приветствовала:

— “Господи, —
Приемли
Новоявленного —

Сына
Твоего!”

И тяжелым грохотом
Ответствовали —
— Земли.

6.

В опрокинутое, мировое
Дно, —
Где не было
Никакого солнца, —

— Которое —

— Слетело
Низринутое
В это
Тело, —
— Перстное
И

Преисполненное бремени —

Какое то ужасное
Оно, —
С мотающимися, перетрепанными
Волосами,

Угасая
И простирая рваные
Израненные
Длани, —
— В девятый
Час —

— Хрипло
Крикнуло
Из темени
На нас: —
— “Или
Савахфани.”

7.

Деревянное тело
С темными
Пятнами впадин
Глаз —
— Деревенеющего
Лица —

— Проволокли —
— Точно
Желтую палку,
Забинтованную
В шелестящие
Пелены, —

— Проволокли —
— В ей
Уготованные
Глубины, —

Без слов
И без веры
В воскресение

— Проволокли —

В пещеры —
В тусклом освещении
Красных факелов.

От огромной
Скорби
Господней —

Упадали
Удары
Из
Преисподней —
— В тяжелый
Старый
Шар.

Обрушились суши
И горы;

Изгорбились
Бурей
Озера;

И — взгорбились
Долы;
И —
Разламывались
Холмы...

А душа, —
— Душа
За душою —

Валились в глухие
Тьмы...

Проступали
В туманы —
— Неясные
Пасти —
— Чудовищной
Глубины...

Обнажались
Обманы —
— И —
— Ужасные
Страсти —

Выбежавшего на белый свет
Сатаны...

В землетрясениях

И

В пожарах —

— Разрывались —

— Старые

Шары

Планет ...

9.

По огромной,

По темной —

— Вселенной, —

— Шатаясь,

Таскался

Мир, —

Облекаясь,

Как в саван —

— Тленный —

— В разлагающийся

Эфир.

Было видно

Как два вампира,

С гримасою —

— Красных

Губ —

— Волокли

По дорогам мира —

Забинтованный

Труп.

10.

Нам желтея,

В нас

Без мысли, —

Подымаясь,

Как

Вопрос —

— Эти проткнутые

Ребра —

— Перекрученные

Руки —

— Препоясанные
Чресла —

В девятнадцатом
Столетии
Провисли:

— “Господи, —
— И это —
Был —
— Христос?”

Но это —
Воскресло...

11.

Снова
Нам —
— Терновые
Венцы.

Снова
Нам —
— Провисли
Мертвецы —
— Под двумя столбами
С перекладиною.

Хриплыми, глухими
Голосами, —

Перепутанными
Волосами, —
Остеклелой
Впадиною
Глаз, —
— Угрожая —
— Мертвенные
Мысли —
— Остро,
Грозно,
Мертвенно, —

— Прорезываются
В
Нас...

Разбойники
И насильники —
— Мы.

Мы —
— Над телом покойника
Посыпаем
Пеплом
Главы —
— И —
— Погашаем
Светильники...

В прежней
Бездне
Безверия —
— Мы, —

— Не понимая, —
Что именно
В эти дни
И часы —
— Совершается —
— Мировая
Мистерия.

Мы
Забыли: —
— Из темных
Расколов —

— В пещеру
Где труп
Лежал, —
— С раскаленных
Огромных
Престолов —
— Преисподний
Пламень
Бежал.

Отбросило —
Старый
Камень; —

Сорваны
 Пелены: —
 — Тело, —
 — От почвы оторванное,
 Слетело —
 Сквозь землю —
 — В разъятые
 Глубины.

14.

Труп, —
 — Из вне времени
 Лазурей
 Пронизанный от темени —
 — До
 Пяты, —
 — Бурей

Вострубленной —

Вытянулся от земли до эфира

И —
 — Грянуло —
 — В ухо —
 Мира: —
 — “Сын
 Возлюбленный —
 — Ты!”

15.

Пресуществленные божественно
 Пелены,
 Как порфира,
 Расширенная —
 — Без
 Меры, —
 — Пронизывали
 Мировое
 Пространство, —
 — Выструиваясь
 Из
 Земли.

Пресуществленное
 Невещественное —
 — Тело —

В пространство развеяло

Атмосферы —

— Которые —

— Сияюще протекли.

Из пустыни вне-времени

Переполнилось

Светами —

— Мировое

Дно, —

— Как

Оно, —

— Тело

Солнечного человека, —

Сияющее

Новозаветными летами —

И — ставшее отныне

И

До века —

— Телом

Земли.

Вспыхнула вселенной

Голова, —

И нетленно

Простертые

Длани —

— От Запада

До Востока, —

— Как два

Крыла

Орла, —

— Сияющие

Издаleка.

16.

Страна моя

Есть

Могила, —

Простершая

Бледный

Крест, —

В суровые

Своды

Неба —

— И —

В неизвестности

Мест.

Обвили

Убогие

Местности —

Бедный

Убогий

Крест —

В сухие,

Строгие

Колосья хлеба, —

Вытарчивающие

Окрест.

Святое,

Пустое

Место, —

В святыне

Твои

Сыны!

Россия, —

— Ты

Ныне —

— Невеста!

Приемли

Весть

Весны.

Земли, —

Прордейте

Цветами —

И —

Прозеленейте

Березами: —

Есть

Воскресение!

— С нами

Спасение! —

Исходит —
Огромными розами —
— Проростающий
Крест!

17.

Железнодорожная
Линия;

Красные, зеленые, синие
Огоньки,

И — взлетающие
Стрелки, —
— Все, все
Все, —
— Сулит
Невозможное.

Твердят, —
Голосящие
Вдали паровики,
Убегающие
По линии: —
— “Да здравствует
Третий
Интернационал!”

Мелкий дождичек
Трескочет: —
— “Третий...
Тре...т...”

Выкидывает
Телеграфная
Лента —
— ... “ал...”

Железнодорожная линия,
Убегающая в сети
Туманов,
Голосит —
— Свистками распропагандированного
Паровоза —
— Про
Невозможное;

И раскидывает
Свои ветви
За ветвями зеленеющего
Тополя...

Раздаются —
— Сухие
Трески —
— Револьверных
Переливов.

18.

А из пушечного гула
Сутуло —
Просунулась спина —
— Очкастого,
Расслабленного
Интеллекта;

Видна —
— Мохнатая голова, —
Произносящая
Негодующие
Слова —
— О —
— Значении
Константинополя —

И —
Проливов: —
— В дующие
Пространства

И —
В сухие
Трески —
— Револьверных
Взрывов.

Водворяется
Странная
Тишина, —
— В которую, —

Произносятся
Слова —
— Расслабленного —
— Интеллекта.

19.

Браунинг
Красным хохотом
Разрывается —
— В воздух.

Тело —
Окровавленного
Железнодорожника —
— Падает
Под грохотом.

Подымают его
Два
Безбожника —
Под забором...

На кого-то —
Напали...

На крики и на слезы —
Ответствуют --
— Паровозы, —

Да хором
Поют —
— О братстве
Народов...

Знамена отвечают
Лепетом.

И воробы —
— С пригородных огородов
Приветствуют
Щебетом —
— Падающих
Покойников.

20.

Обороняясь от кого-то,
Заваливает дровами
Ворота —
— Весь —
— Домовый комитет.

Под железными
Воротами —
— Кто-то!

Злая, лающая тьма —
Прилегла: —

Нападает
Пулеметами —
На дома...

И —
— На —
— Членов —
— Домового —
— Комитета...

Обнимает —
Странными туманами —
Тела, —

Злая, лающая тьма —
Нападает —
— Из вне
Времени —
— Пулеметами.

21.

Из раздробленного
Темени, —
С переломанной
Руки —
— Хлещут —
— Красными фонтанами
Ручьи...

И —
— Какое-то —
— Ужасное
— Оно, —

С мотающимися перекрученными
Руками, —

И —

С неясными
Пятнами впадин
Глаз —
— Стремительно
Проволокли, —

— Точно желтую забинтованную
Палку, —
Под ослепительный
Алмаз —

Стоящего
Вдали —
— Автомобиля.

Это жалкое, желтое

Тело, —

— Пятнами впадин

Глаз, —

— Провисая меж двух

Перекладин, —

— Из тьмы —

— Вперяется

В нас...

Это жалкое, желтое

Тело —

Проволакиваем

Мы —

— В себя: —

— Во тьмы

И в пещеры

Неверия, —

— Не

Понимая, —

— Что

Эта

Мистерия —

— Совершается

Нами —

— В нас.

А весть

Прогремела

Осанной.

Есть —

Странный

Пламень —

— В пещере

Безверия, —

Когда озаряется

Мгла, —

— И —

— От

Нас —

— Отваливаются
Тела, —
Как —

— Падающий
Камень.

24.

Россия, —
— Страна
Моя, —
— Ты
Та
Самая —
— Облеченная
В солнце
Жена, —
— К которой —
Возносятся
Взоры.

Вижу
Явственно —
Я: —
— Россия
Моя, —
— Богоносица —
Побеждающая —
— Змия.

Народы
Населяющие
Тебя, —
— Из дыма
Дыб, —
— Простерли
Длани, —
— Дабы —
Дострадать, —

В Твои
Пространства, —
— Исполненные
Пения
И огня —
— Слетающего
В конце времен
На Тебя —
— Низринутого
Серафима.

И —

Что-то —

— В горле
У меня —

Сжимается —
От
Умиления.

25.

Я —

Знаю: —

— Огромная Атмосфера
Сиянием

— Опускается —
— На каждого
Из
Нас!

Перегорающим страданием

Века —

— Омолнится —
— Голова
Каждого
Человека, —

И —

Слово, —

— Стоящее
Ныне —

— Посередине
Сердца —

Бурями вострубленной

Весны, —

Простерло

Гласящие

Глубины —

— Из —

— Огненного
Горла:

— “Сыны
Возлюбленные, —

— Христос —
Воскресе!”

Москва. 1918.

Переработано и включено в ЗВ, в отдел: Черч теней, см. номера 730—733.

В “Выборке стихов” (в Базеле) находим следующее четверостишие, датировано: 1901:

Знаю все: разорвут ураганы,
Грозовые охватят огни.
Я — беззвучно взираю в туманы,
Раздираю одежды свои.

Оно — двадцать вторая часть цикла “Песни каторжника” в отделе “Пепел. Стихи о России.” Ср. первую строфу № 435.

439—452. “Я”, стихотворение в четырнадцати частях: Впервые опубликовано в ПР, стр. 102—122, без даты. С подзаголовком: Поется с балалайкой. Опечатка в одиннадцатой части V, 3: “Там” вм. “Гам” (опечатка исправлена рукой Белого в авторском экземпляре). Другая опечатка в шестой части, во второй строке: “плещущие” вм. “плещущие.”

Переработано и включено в ЗВ, в отдел: Черч теней, см. №№ 736—746.

453. М. И. ЦВЕТАЕВОЙ. (“Неисчислимы...”): Впервые опубликовано в “Эпопее,” № 2, 1922, стр. 11, под названием: “Марине Цветаевой,” без даты. Текст следует:

Не исчислю я
Орбиты серебряного прискорбья,
Где праздномыслия
Остолбенелые плоскогорья —
Взвисли.

Я
Среди них
Тихо пою стих —
В недоказуемые угодия
Ваших образов: —

Ваши молитвы
Малиновые мелодии
И —
Непобедимые ритмы!

ПР, стр. 123, датировано: Цоссен. 22 года.

Переработано и включено в ЗВ, в отдел: Летние блески, под названием: “Марине Цветаевой,” см. номер 603.

ПОЭМЫ

454. ХРИСТОС ВОСКРЕС (ПОЭМА): Впервые опубликована в газете "Знамя труда," номер 199, 12 мая (29 апреля), 1918, М., под названием: "Христос Воскресе."

Перепечатана без изменений в журналах "Наш путь," М., 1918, номер 2, стр. 101—118 и "Пути творчества," Харьков, номер 6—7, 1920, стр. 3—10.

Отдельным изданием (наш текст) — в изд. "Алконост," П., 1918.

В сборнике *Россия и Инония*, Берлин, изд. "Скифы," 1920, стр. 33—59, под названием: "Христос Воскресе."

СБ, стр. 351—371, датирована: 1918 г. Апрель. Москва. Опечатка в третьей части, строке 2: "В Иордане" вм. "На Иордане." Опечатка в шестой части, II, 4: "рванные" вм. "рваные." Находим следующие разночтения:

Вторая часть, строки 10—11: От века и до века —
— За нас;

Третья часть, строка 8: Этого Человека...
30: В новозаветные лета..

Четвертая часть, строка 28: Поблескивали шлема-
ми,

Шестая часть, строка 17: — "Или... Савах-
фани!"

Седьмая часть, строка 5: Деревянеющего
Лица, —

Восьмая часть, строка 12: И взгорбились доли...

Четырнадцатая часть, строка 13: Пресуществленные бо-
жественно
19: Пресуществленное не-
вещественно
26: Переполнилось светами
30: Солнечного человека,
35: Вспыхнула вселенной

Пятнадцатая часть строка 15: Убогий крест —
41: Прорастающий крест!

Двадцать первая часть строка 13: И пещеры

Двадцать третья часть, строка 14: Населяющие тебя

Двадцать четвертая часть, строка 10: И слово,

В слегка переработанном виде включена в ЗВ, в отдел: Молнии лет. см. № 796.

455. ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ (ПОЭМА). Впервые опубликовано в журнале "Знамя. Временник литературы и политики," [№ 2], 1921, 12 августа, Берлин, стр. 1—12. Эта первая редакция которую мы ниже публикуем полностью, сильно отличается от более поздней, так наз. канонической редакции поэмы. На левой стороне текста мы даем нумерацию строк канонического текста, в том случае, когда строка текста "Знамени" совпадает со строкой канонической редакции (разночтения мной во внимание не приняты). Строки текста "Знамени" не вошедшие в канонический текст обозначены звездочкой. Римская цифра обозначает главу, арабская — строку.

Текст, напечатанный в "Знамени", настолько несовершенен, что иногда производит впечатление черновика. В нескольких случаях мне не удалось угадать необходимых исправлений (например: несколько строк оставлено без рифм). В других случаях неясно было, на ком лежит вина: на наборщике, на корректуре или на самом Белом, который в начале августа 1921 года не был в Берлине, а был в России (ясно только, что Белый не мог видеть гранок). Этот журнальный текст также имеет свыше 60-ти опечаток. Они мною исправлены. В тех случаях, когда нельзя было сказать с уверенностью, имеем ли мы дело с опечаткой или с разночтением, я оставлял слово, как оно было напечатано в "Знамени".

Мною исправленные опечатки настолько были бесспорны, что я решил не приводить здесь их списка.

Предисловие

- 1 Киркою рудокопный гном
- 2 Согласных хрусты рушит в томы...
- 3 Я — стилистический прием,
- 4 Языковые идиомы...
- 5 Я — хрустом тухнущая пещь —
- 6 Пеку прием: стихи — "в начинку"...
- 7 Давно поломанная вещь —
- 8 Давно пора меня в починку.
- 9 Виск — винтящая мигрень...
- 10 Душа — кутящая... И — что же?
- 11 Я — в веселящий Духов День
- 12 Склонен перед Тобою, Боже!
-
- 13 Язык, запрядай тайным сном!
- 14 Как жизнь восстань и радуй: в смерти!
- 15 Встань — в жерди: пучимым листом!
- 16 Встань — тучей, горностаем: в тверди!
- 25 Ты в Слове слова — богослов:
- 26 О, Осиянная Осанна
- 27 Матфей, Марка, Иоанна —
- 28 Язык! Запрядай: тайной слов.
-

- 29 О, не понять вам, гномы, гномы:
30 В инструментаций гранный треск
31 Огонь, вам странно незнакомый —
32 Святой огонь взвывает блеск.

1.

I, 67 Жил — бородатый, грубоватый
Богов белоголовый рой,
Клопочил бороды из ваты;
И — обморочивал игрой;
В метафорические хмури
Он бросил бедные мозги,
Лия лазуревые дури
На наши мысленные зги;
Аллегорическую копоть,
Раздувши в купол голубой,
Он дружно принимался хлопать
На нас, как пушками, судьбой;
Бросался облачной тропой,
От злобы, лопааясь на нас, —
Пустоголовою толпою,
Ругая нас... в вечерний час;
Из тучи выставив трезубцы,
Вниз по закатным янтарям,
Бывало, боги — женолюбцы —
Сходили к нашим матерям.

Теперь переменились роли;
И больше нет метаморфоз:
И — вырастает жизнь из соли,
И — движим паром паровоз;
И Гревса Зевс не переладит;
И физик — посреди небес;
И ненароком: Брюсов адит;
И гадость сделает Гадес;
И пролетарий — горный летчик;
И просиявший — золотарь;
И переводчик — переплетчик;
И в настоящем: та же старь!...

Из зыбей зыблемой лазури,
Когда отвеяна лазурь, —
Сверкай в незыблемые хмури,
О месяц, одуванчик бурь!
Там обесславленные боги
Исчезли в явленную ширь: —
Туда серебряные роги,
Туда, о месяц, протопырь!
Взирай оттуда, мертвый взорич
Взирай; повешенный, и стынь —
О, злая бешенная горечь,

I, 110 О, оскорбленная ледынь.

- I, 199 О, меланитовые очи,
 I, 198 О, лазулитовая лень:
 I, 201 Ты, колокольчик синий, — ночи
 I, 200 Ты, колокольчик белый, — день
 I, 111 О, тень моя: о, тихий братец, —
 I, 112 У ног ты вот, как черный кот:
 I, 113 Обманешь — взрывами невнятиц,
 I, 114 Восстанешь — взрывами пустот.

- I, 135 Как звуки слова “дарВалдая”
 Балды, над партами болтая,
 Переболтают — в “дарвалдая”...

Ах, много, много “дарвалдаев” —
 Невнятиц этих у меня...
 И мой отец, декан Летаев,
 Руками в воздух разведя:
 “Да, мой голубчик, — ухо вянет:
 Такую, право, порешь чушь”...
 И в глазках крохотных проглянет
 Математическая сушь: —
 Широконосый и раскосый, —
 Жестковолосой бородой
 Расставит в воздухе вопросы:

- I, 149 — “Вопрос — один, вопрос — другой!”...

- I, 153 Жужжат — оранжевые осы —

- I, 150 Неразрешимые вопросы.

.

- I, 23 Меня пленяет Гольбер Гент
 И я — не гимназист: студент...

Сюртук — зеленый: с белым кантом;
 Перчатка белая в руке:
 Я — меланхолик; я — в тоске...
 Но — выгляжу немного франтом...
 Я, Майей мира полонен,
 В волнах летаю котильона,
 Вдыхая запах „poudre Simon,”¹
 Вдыхая розы Аткинсона.
 Но тексты чтя Упанишад,
 Хочу восстать Анупадакой:²

Глаза таращу на закат;
 И — плачу над больной собакой.
 И мнится: рой святых Ананд —
 Меня венчает тайным даром:

1. Духи фабрики Аткинсона.
2. “Анупадака” — безначальный: стадия просвещения.

[Следующие двенадцать строк — вариант строк
135—149 в первой главе]

Так “дарвалдаи”, “Дармотарры,”
Переплетаясь в одно,
Со мной заводят тары-бары:
Так палкой бьют в пустое дно.
И мой отец, декан Летаев,
Руками в воздух разведя:
“Ах, много, много, “дарвалдаев”
Несчастных этих у тебя!”

Широконосый и раскосый,
Бренча карманною деньгой,
Расставит в воздухе вопросы:
— “Вопрос — один. Вопрос — другой!”

2.

- III, 324 Благонамеренные люди
Благоразумью отданы:
Не им священные причуды
Непросвещенной ерунды.
О, — не летающие: к тверди
Не поднимающие глаз!
Вы — переломанные жерди:
Жалею вас — жалею вас.
Не упадет на ваши бельма
(Где жизни нет — где жизни нет! —)
Не упадет огонь Сент-Эльма
И не обдаст Дамасский Свет.
О, ваша совесть так спокойна;
И ваша повесть так ясна:
Так небезумно, так пристойно
III, 339 Дойти до дна — дойти до дна...

* Да, есть премудрость в детской вере!

* И — есть фантазийная снедь...

II, 1 На серой, вычищенной двери

II, 2 Литая чищенная медь...

II, 10 Следя перемокревшим снегом,

II, 12 Бывало, я звонился здесь —

II, 13 Отдаться дружеским беседам:

3. Буддийский логик.

4. Сарасвата Суама Даинанд — религиозный ре-
форматор Индии XIX столетия.

- II, 11 Озябший, заметенный весь:
- II, 16 Худой и хилый, кроя пледом
Давно простуженную грудь
Лучистым, золотистым следом
- II, 19 Свечи указывая путь —
* (Так странно ведом и — неведом —)
- II, 14 Михал Сергеич Соловьев
- II, 15 Дверь отворял, смеясь без слов.
- II, 24 Стуловатый, малорослый
И бледноносый, — подойдет,
И я почувствую, что — взрослый,
Что мне идет двадцатый год;
И весь конфузаясь и дичая,
За круглым, ласковым столом
Хлебну крепчающего чая
С ароматическим душком.
Михал Сергеич повернется
Ко мне из кресла цвета "бискр";
Стекло пенснэйное проснется:
- II, 35 Переплеснется блеском искр;
- II, 20 Его он сбрасывает кротко
Золотохохлой головой.
С золотохохлою бородкой —
- II, 23 Прищурый, слабый, но — живой...
- II, 38 Дымит струями папиросы;
- II, 39 Голубоглазит на меня;
- II, 36 Развеет веером вопросы
- II, 37 Он чубуком из янтаря.
- II, 40 И ароматом странной веры
Обкурит каждый мой вопрос;
И, мне навеяв атмосферы,
В дымки просовывает нос;
Переложив на ногу ногу,
Перетрясая пепел свой...
Он — длань, протянутая к Богу
Сквозь нежный ветер пурговой!

Бывало: сбрасывает повязь
С груди — переливной, родной:
Глаза — готическая прорезь;
Рассудок — розблеск искряной.

Он видел в жизни пустоглазой
Рои лелеемых эмблем,
Интересуясь новой фазой
Космологических проблем,
Переплетая теоремы
С Ангелологией Фомы...
И — да: его за эти темы
Ужасно уважали мы.
Он — книголюб: любитель фабул,

- Знаток, быть может, инкунабул,
Слагатель не случайных слов,
II, 63 Случайно не вещавших миру:
II, 65 Ему Владимир Соловьев —
* Внимал, как... мы: певцу Омиру.

- II, 66 Я полюбил укромный кров:
Гостеприимную квартиру.

Зимой — в пурговые раскаты
Звучало здесь: "На век одно!"
Весною — красные закаты
Пылали: в красное окно,
На кружевные занавески,
Лия литые янтари;
Любил египетские фрески
На выцветавших драпри:
Седую мебель, тюли, даже —
Любил обои цвета "бискр" —
Рассказы смазанных пейзажей:
Рассказы красочные искр...
Казалось: милая квартира

- II, 81 Таила летописи мира.
Да, есть премудрость в детской вере!
Да, есть премудрость смутных снов!
Как перст пророческий на двери:
"Михал Сергеич Соловьев."
(С таких-то до таких часов.)

[Заключительные 5 строк вариант II, 294—299]

3.

- II, 82 О. М., жена его, мой друг —
Художница, —
— (в глухую осень
Я с ней... Позвольте: да, — лет восемь
По вечерам делил досуг) —
Молилась на Четьи-Минеи,
Переводила де-Виньи,
Ее пленяли Пиренеи
Кармен, Барбье- д'Оревилю
Цветы и тюлевые шали —
Все переписывалась с "Алей,"
Которой сын писал стихи:
Которого по воле рока
Послал мне жизни бурелом: —

Так имя Александра Блока
Произносилось за столом —

- “Сережей,” сыном их: он — мистик —
Голубоглазый гимназистик...
О “Логосе” мы спорим с ним,
II, 100 Не соглашаясь с Трубецким.⁵
- II, 108 “Сережа Соловьев”, ребенок,
II, 111 Восставший рано из пеленок
II, 110 Над детской комнаткой своей —
II, 109 Живой, смысленный ангеленок, —
II, 112 Роднею Соловьевской всей
 Был встречен, точно Моисей...
 Две бабушки, четыре дяди,
 И, кажется, шестнадцать тётъ
 Его выращивали пяди:
 Но сохранил его Господь!
 Трех лет, ну право же — ей Богу-с! —
 Трех лет (скажу без лишних слов) —
 Трех лет: ему открылся — Логос...
 Шести: Григорий Богослов...
 Семи: словарь французских слов.
 Перелагать свои святыни
 Уже с четырнадцати лет
 Умея в звучные латыни,
 Он — вот: провидец и поэт,
 Ключарь небес, матерый мистик, —
II, 128 Голубоглазый гимназистик.
II, 99 О “Логосе” мы спорим с ним,
 Не соглашаясь с Трубецким,
 Но соглашаясь с новым словом,
 Провозглашенным Соловьевым
II, 103 О “*Деве Радужных Ворот*”⁶
- II, 104 О деве, что на нас сойдет
 * (Примерно, эдак, — через год...),
II, 105 Овеяв зовом бирюзовым,
II, 106 Всегда таимая средь нас, —
II, 107 Взирая из любимых глаз.
- II, 130 Сережа, заклопочив клочень,
II, 129 Взирает в очи Сони Н-ой...
II, 131 Мне блещут очи — очень, очень —
 Надежды Львовны Зориной.
 Так соглашаясь с Соловьевым

5. Сергей Трубецкой, автор сочинения “Учение о Логосе.”

6. Гностический термин, встречающийся в одном из стихотворений Владимира Соловьева.

- Провидим Тайную весной:
Он — Сонечку, живую зовом;
II, 136 Я — Заревую: в Зориной!
- II, 170 Высокий, бледный и сутулый
Ты где, Сережа, милый брат:
Глаза — лирические гулы,
II, 173 Глаза — вперенные в закат!
* Бывало: бледный и сутулый
II, 174 Выходит в Вечность — на Арбат...⁷
Бывало: бродим мы без речи...
И мне ясней — слышна, видна:
Арбата юная весна,
Твоя сутулая спина,
Твои приподнятые плечи,
Твоя худая голова...
И вдруг: как на зеркальной зыбке
Пройдут пузырьками рыбки —
Меж нами умные слова
И вовсе детские улыбки;
И разговор о сём, о том:
О бесконечности, о Бrame,
О Вечности, Огромной Даме, —
II, 188 Перерастают толстый том.
* И на Арбате снится Вечность.
II, 189 И на Арбате: мчится — в Вечность
Пролеток черных быстротечность,
Прохожих рой, студент, кадет,
Художник, в воздух взвив одежды;
Бегут: ученые, невежды.
И — зазаревающий тихий свет
II, 195 На той же вывеске: "Надежды"...⁸
- II, 201 Ты пламенеешь в сумрак серый
Средь зданий, каменных пустынь!...
Глаза — открытые без меры,
(Туда за стекла: в горки дынь!)
Свои расширенные сѣни
Бросают, как немой вопрос,
II, 207 Под шапкой пепельных волос:
* — "Зачем тут лопаются дыни
* И тяготеет злой кокос,
* Когда воскрес: Иисус Христос?"...
II, 197 Смутятся уличною давкой,
II, 198 Смутятся колониальной лавкой,
* Где в окнах манит то и се, —
II, 199 Я упраздняю это всё:
II, 200 — "Мир — представление мое!"

7. Арбат — улица в Москве.

8. "Надежда" — писчебумажный магазин на Арбате.

I, 154 И было много, много дум
I, 155 И метафизики, и споров...

4.

I, 156 И — строгой физикой мой ум
Переполнял: профессор Умов.⁹

Над мглой космической он пел,
Развив власы и выгнув выю,
Что парадоксами Максвелл
Уничтожает *Энтропию*,
Что взрывы, полные игры,
Таят Томсоновы вихри,
И что огромные миры
В атомных силах не утихли,
Что мысль, как динамит летит
Смелей, прикидчивей и прытче,
Что опыт — новый...

— “Мир — взлетит!” —
Сказал, взрываясь, Фридрих Нитче...

Мир — рвался: в опытах Кюри
Атомной лопнувшей бомбой
На электронные струи
Невоплощенной гекатомбой...
Я — сын эфира — Человек,
I, 175 Свиваю со стези надмирной, —
I, 177 За миром мир, за веком век
I, 176 Своей порфирией эфирной.
I, 179 Взметая брызги, взвой огня
I, 178 Из непотухнувшего гула, —
I, 180 Волною музыки меня
Стихия жизни оплеснула;
Из летаргического сна
В разрыв трагической культуры,
Где бездна гибельна (без дна), —
Я, ахнув, рухнул в сумрак хмурый, —

Как Далай-Лама молодой
С белоголовых Гималаев, —

Передробляемой звездой
На зыби, зыблемые Майей....

В душе, органом проиграв,
Дни, как орнамент, полетели,
Взвиваясь запахами трав,

9. Московский профессор физики.

Взвиваясь запахом мятели.
И веял май — взвивной метой;
Июнь — серьгою бирюзовой;
Сентябрь — листвою золотой;
I, 197 Декабрь — пургой белоголовой.

I, 202 Дышал гранёный мой флакон:
Меня онежили *уайт-розы*,¹⁰
Зеленосладкие, как сон,
Зеленогорькие, как слезы.
В мои строфические дни
И в симфонические игры,
Багрея, зрели из зари, —
Дионисические тигры!
Перчатка белая в руке;
Сюртук — зеленый: с белым кантом...
В меня лобзавшем ветерке
Я выглядел немного франтом,
Умея дам интриговать
Своим резвящимся рассудком
И мысли легкие пускать,
Как мотыльки по незабудкам;
Вопросов комариный рой
Умел развеять в быстротечность
И — озадачить вдруг игрой,
Улыбкой, брошенною... в Вечность.

Духовный, негреховный Свет, —
— Как нежный свет снегов нездешних,
Как духовеющий завет,
Как поцелуи зовов вешних
Как струи слова Заратустр —
Вставал из ночи темнолонной...
Я помню: переливы люстр.
Я помню: зал белоколонный —
Звучит: Бетховеном, волной;
И *Благородное Собрание*, —¹¹

Как мир — родной (как мир — весной),
III, 233 Как старой драмы замиранье...

5.

III, 1 Под стук сердец — (в концерт, в концерт!) —
Мудрец, юнец... Но что их мánит,
То — запечатанный конверт:
Словами тайными обманет.

10. Духи Аткинсона.

11. В зале помещения "*Благородного Собрания*"
происходили до 1903 года симфонические кон-
церты.

Немой, загаданный глагол!
Неизрекаемый, — он волит:
То — мараморохами зол,
То — добрым делом соглаголет;
Изранит стуками минут,
Багрянит, звуками измуча, —
Такой мяукающий зуд,
Такая дующая туча!
Звук множит бестолочь голов;
Он гложет огненное сердце...
И в звуках нет толковых слов:
Здесь не найдешь единоверца!
Из мысли: вылетят орлы;
Из сердца: выйдет образ львиный;
Из воли: толстые воли...
Из звука: мир многоединый...
Тот, звуковой — во все излит...
Та, звуковая, — золотая...
И этот — камень лазулит;
И этот — пламенная стая;
У той: —

— Над златокарей згой —
Град Гелиополь: дева, Отис,
Милуясь лепетной серьгой,
Целует цветик миозотис;
Рогами гранными, как чорт,
Туда — в века, в лазури ляпис —
Гранито-розовый, простерт,
В нее влюбленный, странный: Апис!

У этой: —

— Вытечет титан
Златоголовый, змееногий;
Отзолотит в сырой туман:
И — выгорит, немой и строгий;
Седое облако висит
И, молний полное, блистает;
Очами молний говорит:
Багровой зубриной слетает,
Громово тарарахнув в дуб
Под хохотом Загрея, Зевса...

Вот этот — вот: он — туп, как пуп;
Прочел: приват-доцента... Гревса...

И дирижирует: Главач¹²...
И дирижирует: Сафонов¹³...
И фанфаронит: часто — врач

12. Дирижер Петербургский.

13. Директор Московской Консерватории в 900-х годах.

- III, 48 И солдафонит: каста "фонов" ...
 III, 53 От безобразий городских
 III, 54 До тайн безобразий Эреба,
 III, 55 До света образов людских
 III, 56 Многообразиями неба, —
 III, 49 Интерферируя наш взгляд
 III, 50 И озонируя дыхание:
 III, 51 Мне музыкальный звукоряд
 III, 52 Отображает мирозданье ...
 III, 57 Восстанет в ночь эфирный пад,
 В зонах гонит бури знаков:
 Золотокосых Ореад,
 Златоколёсных Зодиаков ...

 Стой — ты, как конь, заржавший стих —
 Как конь, задравший хвост строками —
 Будь прост, четырехстопен, тих:
 Не топай в уши мне веками;
 Ведь я не проживу ста лет! ...
 Я — вот! я — здесь: студент Московский
 III, 67 Я — на подъезде ...

6.

- ... Люстры свет.
 III, 68 И — Алексей Сергеич П-овский ...
 И — сердца бег, и — в сердце стук ...
 Сердца — бегут: на звуки ... Верьте —
 В субботу вечером наш круг
 На симфоническом концерте.
 Проходят, тащатся, текут ...
 III, 74 Вокруг — шпалеры кавалеров
 III, 76 (Седых, муругих, пегих, серых) —
 III, 75 Купцов, ученых, миллионеров ...
 III, 77 Марковников,¹⁴ профессор, — тут;

Бурбон ... И — ряд матрон мегэрых.
 И шу-шу-шу, и — ша-ша-ша ...
 И — хвост оторван: антраша! ...
 Багровая профэссорша;
 За ней: в очках, профессор тощий
 Несет изглоданные мощи:
 И — злое, женино боа ...
 Вот туалет Минангуа!¹⁵

- III, 86 Одни сплошные валансьены;
 * И в них — агатовая брошь;

14. Профессор химии.
 15. Знаменитая покровом московская портниха де-
 вяностых годов.

III, 87 И — тонкий торс; и — юбка “клош”

III, 89 Нешумно шепчущие пены,

III, 88 Нешумно зыблемая рожь...

III, 92 О, эти розовые феи!

О, эти — голубые!... Ишь —
Красножилетые лакеи
Играют веером афиш;
Графиня толстая, Толстая,
Уж загляделась в свой лорнет...

Выходит музыкантов стая:
В ней кто-то, лысиной блистая,
Чихает, фраком отлетая,
И продувает свой кларнет...
Возня, переговоры... Скрежет:

III, 103 И трубный гуд, и нудный зуд...

III, 105 Кто это там пилит и режет?

III, 104 Так ноет зуб, так нудит блуд...

III, 106 Натянута пустое дно:

Долдонит бебень барабана,
Как пузо выпуклого жбана;
И тупо, тупо бьет оно...

О, невозможные моменты!
Струнят: и строят инструменты...

Вдруг! —

Весь — мурашки и мороз!
Между ресницами: стрекоты...
В озонных жилах: пламя гроз...
В носу: весенние мимозы...
Она пройдет — озорена:
Огней-зарней, неопалимее!..
Надежда Львовна Зорина
Ее не имя, а — “во имя”...
Браслеты — трепетный восторг —
Бросают — лепетные слезы;
Во взорах — горный Сведенборг;
Колье — алмазные морозы;
Серьга — забрежжившая жизнь;
Вуаль провеявшая — трепет;
Кисей вуалевая брызнь
И юбка палевая — лепет...
А тайный, розовый огонь,
Перебегая по ланитам,
В ресниц прищуренную сонь,
Их опаливший меланитом, —
Блеснет, как северная даль,
В сквозные веерные речи...
Летит вуалевая шаль
На бледнопалевые плечи...

И я — как гиблый Гибеллин,
У Гвельфов, ног — без слов, без цели —
Ее потешный Палладин...
Она — мадонна Рафаэля!..

Пройдет, — мы все, разинув рты,
Идиотически ослабнем;
Пройдет, склонясь в свои цветы,
С курносым, безволосым бабнем;
Пройдет — и сядет в первый ряд
Смеясь без мысли и без речи...¹⁷

И на фарфоровые плечи,
Переливаясь, бросят взгляд, —
Все электрические свечи!..
И ей бросает оклик свой,
Такой простой, Танеев — Мейстер;¹⁸
Биноклит с ложи боковой
Красавец обер-полицмейстер...¹⁹
Взойдя на дирижерский пульт,
Пересекая рой поклонов,
Приподымает громкий культ
Ее почтенный жрец Сафонов;
Кидаясь белой бородой
И кулаками на фаготы, —
Короткий, толстый и седой, —
Он выборматывает что-то;
Под люстры палочкой мигнув, —
Душой, манжетом, фалдой, фраком
Надувшись, вспыхнувши, метнув,
Волторну поздравляет с браком;
И в строгий разговор волторн
Фаготы прорицают хором,
— Как речь пророческая Норн,
— Как грозовой Вотанов ворон;
И вот, и вот взлетит <ладонь?>
Речитативом вьолончеля
— “Волторну строгую не тронь! — ”...
“Она — Мадонна Рафаэля.”
А уж Сафонов из усов
Надувши пухнущие губы,
На флейт перепелиный зов
Приказ выкидывает в трубы;

- III, 177 И под Васильем Ильичом,
III, 180 Расставив ноги калачом, —
III, 179 Все скрипканты провизжали
III, 178 Руководимые Гржимали.

17. Стих. А. Блока.

18. Бывш. проф. Московской Консерватории, зна-
ток теории контрапункта и композитор.

19. Трепов, игравший впоследствии крупную роль.

III, 181 Бесперый прапор подбородком,
Попав в просаки — с'кон-апелъ —
Пройдет по ноткам, как по водкам,
Устами разливая хмель;
Задушен фраком, толст и розов,
Ладонью хлопнув в переплеск,
Подтопнув, — лысиной Морозов
Надуто лопается в блеск;
За ним — в разлив фиоритуры,
Бросаясь головой, карга
Выводит чепчиком фигуры —
И чертит па, и вертит туры
Под платьем плисовым нога:
Дрожа, дробясь в колоратуры
Играет страстная серьга.
Пятно все то же щурим ликом
На руку нервную легло:
Склоняет Скрябин бледным тиком
Необъяснимое чело;
И — пролетит скрипичным криком
В рои гностических эмблем,
Мигая из пустых Эбнов;
Рукою твердой тему тем
За ним выводит из тромбонов —
Там размахавшийся Сафонов.

Кидаясь белой бородой
И кулаками на фаготы —
Короткий, толстый и немой
Как бы вынюхивает что-то:
Присядет, вскинув в воздух нос —
Вопрос, разносы в глазе хитром:
И — стойку сделавши, как пес,
Несется снова над пюпитром;
Задохнется и — оборвет...

Со лба платком стирает пот,...

И — разделяется поклоном,

III, 217 Меж первым рядом и балконом...

III, 376 И вот идет, огней зарнимей,
Сама собой озарена,
Неся, как трэн, свое "Во-имя" —

III, 379 Надежда Львовна Зорина.

III, 120 Браслеты — трепетный восторг —
Бросают лепетные слезы;
Во взорах — горный Сведенборг;

III, 123 Колье — алмазные морозы...

III, 136 И я — как гиблый Гибеллин,
У Гвельфов, ног, — без слов, без цели —
Ее потешный палладин...

III, 139 Она — Мадонна Рафаэля!...

* Расходятся, шурша, болтая...

III, 392 Там — кто-то, фраком отлетая
В футляр слагает свой кларнет;
Пустеет зал; и — гаснет свет.
У двери — черные шпалеры;
Стоят: мегэры, кавалеры;

III, 397 И ша-ша-ша: шуршат, спеша,

III, 399 — “Не та калоша: Каллаша!...”

* Пахнуло в воздухе: Сизовым,

* Владимир Ильичом, Поповым...

III, 401 Лысеет химик Каблуков:

III, 402 Проходит в топот каблуков.

III, 405 Выходим.. —

IV, 1 — Вижу этих дам

В боа, дородных, благородных;
И — тех: прекрасных, страстных дам,
Прекрасных дам в ротондах модных.

Костров калёные столбы
Взовьются в кубовые сины;
Из-за редеющей толпы
Стрекозы, рдеющие в иней
Метаясь, гаснут всем, что есть;
Мордастый кучер прогигикнет;
Снегами радостная весть
Слетая, сладостно воскликнет...
И прометет — и пронесет
Квадратом лаковым из ночи;
Ударит конским потом в рот,
Завертит огненные очи;
Очертит очерк дорогой
Из соболей в окнах кареты...

Вдали: слезливою серьгой
Играют газовые светы.
И все, что было, все, что есть —
Снеговерченье ясных далей,
Светомолений светлых весть:

IV, 24 Перелетание спиралей.

7.

IV, 26 И быстроногою фигурой
Из ног выметываясь, тьма
Ростет и сумеречит хмуρο
На белобокие дома.
И мнится: темные лемуры,
Немые мимы, — из зимы
Мигая мимо, строят туры
И зреют речью: “Ты и... мы”...

Иду покорный и унылый
Четвероногим двойником:
И — звезденеет дух двукрылый;
И леденеет косный ком, ...
Перемерзая и мерца,
Играя роем хрусталей,
Налью из зеркала лица я
Перезеркаленных лилей, —
И там, под маской, многогрешный,
Всклочу безысходный срам,
Чтобы из жизни встал крошечный
Бесцельный, сумасшедший храм.

Взлетайте выше, злые мимы,
Несясь вдоль крыши снеговой,
Мигая мимо, — в зимы, в дымы
Моей косматой головой!
О, обступите, — люди, люди:
Меня спасите от меня —
Сомкните молниенные груди
Сердцами, полными огня.
Я — зримый: зеркало стремлений,
Гранимый призраком алмаз
Пересеченных преломлений, —
Мигнув, отбрасываюсь в вас, —
Как переполненный судьбою
На вас возложенный венец, —
Созрею отдаваясь бою
Родимых, греющих сердец.
Вы — подойдете: я — ошелен;
Вы — отойдете: я, не тот, —
Я переломлен, переполнен
Переполюсами пустот —
Как тени пустолетный конус,
Как облачка высотный лет,
Как бессердечный, вечный тонус
Несуществующих высот.
На тучах строятся фигуры:
И я — изъятьем лицевым —
Дробимый, сумеречный, хмурый —
Несусь по кучам снеговым;
Из ног случайного повесы
Тянусь бесвесный, никакой:
Меня выращивают бесы
Неотразимую тоской...

Мы — неживые, неродные —
Спираль чьих то чуждых глаз:
Мы — зеркала переливные —
Играем в ясный пустопляс.
На стенах летом пляшут пятна;
В стакане светом пляшет винт;

И все, — так странно непонятно;
И все — какой то лабиринт...

Глаза — в глаза: бирюзовеет.
Меж глаз — меж нас: "Я — воскрешен!"
И вестью первую провеет:
"Не ты, не я... Но — мы: но — Он!"

А ум насмешливый, как леший,
Ведет по плоскости иной:
Мы — чешем розовые плечи
Под бирюзовую весной;
Перемудрим, перевопросим,
Не переспросим, не поймем;
Мечту безвременную бросим,
По жизни бременно пройдем;
И не выносим, и ругаем
В летах перемелькавший дым;
Гадаем жалобным бугаём,²⁰
Брыкаем мерином седым.
Рассудок, свинорылый комик,
Порою скажет в зовы зорь,
Что лучше деревянный домик,
Чем эта каменная хворь.
И спрячет голову, как страус,
Отскочет в сторону, как пес, —
Вмаячив безысходный хаос

IV, 109 В свой обиходный, в злой "хавос"²¹

IV, 114 Вставайте, морочные смены, —
Пустовороты бытия,
Как пустолопнувшие пены:
Да, вас — благословляю я.
Бросай туда, в золотое море,
В мои потопные года —
Мое рыдающее горе,
Мое сверкающее: "Да!"

Невыразимая Осанна,
Неотразимая Звезда, —
Ты откровением Иоанна
IV, 125 Приоткрывалась: "На всегда!"

8.

II, 7 В глазах полутеней и светов,
Чуть лепестящих нежных цветов
Яснеет снежистая смесь.
II, 10 Следя перемокревшим снегом,

20. Бугай — бык.

21. "Хавос" — слово мелкошечанского жаргона.

- II, 13 Отдаться дружественным негам,
 II, 12 Бывало, я звонился здесь;
 II, 16 Михал Сергеич, кроя плэдом,
 Давно простуженную грудь,
 Меня встречал, златистым следом
 Свечи, указывая путь,
 Качаясь мерною походкой,
 Золотохохлой головой,
 Золотохохлою бородкой,

II, 23 Прищурый, слабый, но... живой...

II, 28 Я шел, конфузясь и дичая;
 За круглым, ласковым столом
 Бывало, вставши из-за чая

II, 31 С ароматическим душком, —

[Следующие 18 строк вариант строк II, 155—169]

Сережа крикнет, улыбнувшись, —
 Копной волос ко мне метнувшись
 — “Надежда Львовна Зорина —
 Как?... Воплощение Софии!”
 И я — пророчески: “Ясна
 Судьба священная России”...
 — “Что? Как?” И шепчутся слова:
 “Она есть Львовна: дочка Льва...
 Лев — символический, Иудин...
 Вопрос гностически нетруден:
 Бык есть животное: но вот —
 Гласит египетский народ,
 Вещает мифологий запись,
 Что белогрудый, черный бык,
 Таящий неба, громкий зык, —
 Серафи-Серафим, то — Апис”...

— “Все-так: ну, а причем тут Лев?”

— “Иудин Лев — веков напев”...

II, 145 Михал Сергеич повернется
 Ко мне из кресла цвета “бискр”:
 Стекло пенснэйное проснется,
 Переплеснется блеском искр,

II, 149 В меня уставясь очень кротко

II, 151 Золотохохлою бородкой:

II, 161 “Как этот старый фат и франт,

II, 162 Беззубый, лысый коммерсант —

* Зарин, Лев Львович — Лев Иудин?”

II, 163 “Вопрос — замысловат и труден”...

I, 62 Вмешается товарищ наш

I, 63 П. П., — студент (эстет и скептик):

I, 61 — “Откуда этот ералаш?”

I, 64 — Скажи ка... Ты — не эпилептик?”

- * В окошко смотрят фонари
 II, 72 Сквозь кружевные занавески,
 Лия литые янтари,
 Цветя египетские фрески
 II, 75 На выцветавших драпри...
 * Бывало, — бури перекаты
 II, 69 Звучат: "Одно, навек одно!"
 [Следующие 6 строк вариант II, 432—435]
 И массою белохлопчатой
 Там кто-то поглядит в окно.
 Прильнув перемокревшим снегом,
 Бросая снежистую смесь;
 Мы, отдаваясь странным негам,
 Сидим, молчим под лампой — здесь...

- II, 300 Здесь возникал салон Московский,
 Где из далекой мне земли —
 Ключевский, Брюсов, Мережковский
 Впервые предо мной прошли.

Бывало: —
 — снеговая стая —
 Сплошное белое пятно,
 Бросает крик, слетая, тая —
 В запорошенное окно.
 Поет под небо белый гейзер,
 Так заливается свирель;
 Так на эстраде Гольденвейзер

- II, 311 Берет уверенную трель;
 II, 316 Захотавший в вой софистик
 Восставший шубой в вечный зов —
 Придет "Володя", вечный мистик,
 Или — Владимир Соловьев.

Я не люблю характеристик, —
 Но все таки...

- ... Сквозной фантом,
 Как бы согнувшийся с ходулей
 Войдет, и вспыхнувшим зрачком
 В сердца ударится, как пулей.
 Трясем рукопожатьем мы
 Его беспомощные кисти,
 Как ветром неживой зимы
 Когда то свеянные листья;
 Над чернокосмой бородой
 Клокоча виснувшие космы,
 И желчно дующей губой
 Раздувши к чаю макрокосмы, —
 II, 333 С подпотолочной высоты
 II, 335 Он рухнет в эмпирию кресла, —
 II, 337 Сердит, убит и возмущен,

- Тем, что природа не воскресла,
 Что сеют те же господа
 Атомистические бредни,
 Что декаденты — да-да-да —
- II, 342 Свершают черные обедни,
 II, 349 Что земли портящий овраг
 II, 350 Грызет юговосток Европы,
 II, 347 И над Россией — тайный враг:
 II, 348 Дымки, монголы, эфиопы...
- * Таит опасность каждый шаг...
- II, 364 Подбросит огненные очи
 II, 363 И угрожает нам бедой
 II, 365 На скатерть опрокинет ночи
 Своей священной бородой.
 Так в ночи вспыхивает магний,
 Бьет электричеством магнит:
 И над поклонниками Агни
 Взлетев, из джунглей заогнит;
 Так погромыхивает в туче
 Толпа прохожих громарей;
 Так плещут в зыбине летучей,
- II, 374 Сребрея, сети рыбарей.
- * Михал Сергеич, внемля бедам,
 * Придвинув кресло, сняв поднос,
- II, 377 Закрыв плечо пятнистым пледом,
 * Вздохнув негромко: *"Вот вопрос"* —
- II, 379 Потеет в вязаной рубашке,
 II, 381 На столике расставит шашки,
 II, 382 Над столиком поставит нос.
- * И Соловьев усевшись в нише,
 * Играет молча с братом "Мишей,"
- II, 398 Рукой бросаюсь, как на бой,
 И поражают худобой
 На доску, он уткнется в шашки;
- II, 401 Его обтянутые ляжки;
- * А комариная нога,
 * Костей непрочное жилище,
 * Тут обнаружит сапога
 * Нечищенное голенище;
 * Рассердится над поддавком;
- II, 356 Атмосферическим дымком
 II, 355 Судьба трагическая дышет;
 II, 357 И в "Новом Времени" о том
 II, 358 Демчинский знает, но не пишет:
 — "В сознание нашем кавардак.
 Атмосферических явлений
 Свечений, зорь, нельзя никак
- II, 362 Понять с научной точки зрений!" —
- * И ткнется головой в колени,
 II, 351 И стащит пару крендельков

С вопросом: "Ну и чтож в итоге?"
II, 353 Свои переплетая ноги.

* Михал Сергеевич, без слов
* Нос атмосферой протабачит,
* Курнет, от дыма чуть не плачет,
II, 383 Вдыхая в пепел папирос:
II, 386 — "Не оскудела Мирликия...
II, 387 Однакож: будет... Духов День"...

II, 389 Сережа Соловьев под небо
II, 388 Воскликнет, стиснув мякиш хлеба: —

II, 392 "А ну-ка — все, кому не лень —
II, 393 В ответ на дерзости такие:
II, 394 В Москве устроим Духов день!"

* О. М. — пророчески: "России —
* Судьба священная ясна"...

* Я — про себя: "Судьба — Софии:
* Надежда Львовна Зорина"...
II, 395 А Соловьев, не отвечая,
II, 397 Молчит над чашкой: "Чаю — чая...
* И чаю — сахара небес:
* Погибнет враг! Христос воскрес!"
* Пожавши руки торопливо,
* Как бы влеком самой судьбой, —
* Как бы вздыхая сиротливо,
* Как бы вздыхая над собой, —
II, 402 Пройдет в переднюю, к шинели:
В меха шинели кроет взор;
И — удаляется в мятели:
Священной бородой — в бобер;
А вихри свистами софистик
Всклочут бледный кругозор;
Привзвизгнут: "вот — великий мистик!"
II, 409 И — пересвищут: за забор...

II, 422 Он — канул в Вечность: без возврата:
Прошел в восторг нездешних мест...

В монастыре: в волнах заката —
Рукопростертый, белый крест —

Стоит как память дорогая...
Бывало, он — оснежен весь —
Светлеет, огоньком мигая...
Бывало, все — взрывает здесь...
Играет скатерть парчевая,
Снега на воздухе взвивая;
И в ней — прослеженная стезь...

Хрустя перемокревшим снегом,
Сюда бегу — отдаться негам,

II, 435 Озябший, заметенный весь.

III, 305 Здесь, здесь — волнуемому Милой,

III, 306 Бывал мне свеян поцелуй —

III, 303 Неименуемую силой

III, 304 С неизреченных Аллилуй.

9.

I, 229 И снова — зал белоколонный;

I, 228 И снова: переливы люстр,

I, 226 Как струи слова Заратустр

I, 227 Блеснут из ночи темнолонной

III, 155 И снова бросит громкий культ,

III, 154 Пересекая рой поклонов,

III, 153 Взойдя на дирижерский пульт

III, 156 Ее почтенный жрец Сафонов.

III, 218 Он постоит и помолчит

III, 219 И по пюпитру постучит:

III, 224 Пройдутся в воздух фалды фрака;

И стаю звуков гонит он,

Как зайца гончая собака —

III, 227 На возникающий тромбон.

III, 291 Моя Надежда, — дева Отис

Милуясь лепетной серьгой,

Вдыхая цветик миозотис,

Из зовов арфы дорогой, —

Бросает взор, лазури ляпис

В воздухо-летний септакорд;

И взор, читая звуков запись,

Над миром —

— Аписом! —

— Простерт!...

III, 299 Перебегая по ланитам

III, 302 Томящий, розовый огонь

III, 301 Сгорают мрачным меланитом

III, 300 В ресниц прищуренную сонь;

III, 133 Волторны северные речи;

III, 132 Протянут звуковую даль

III, 135 На бледнопалевые плечи

III, 134 Слетит вуалевая шаль...

III, 192 Там чертит — па; там — вертит туры

III, 193 Под платьем плисовым нога;

III, 191 Выводит чепчиком фигуры,

III, 190 Бросаясь головой, — карга.

III, 228 Над пухопёрою каргою

Над чепчиком ее счернён

Жеребчиком мышиным — он —
Кто вьется пенною пургою,
И льет разменною деньгою,
Кто ночью входит в пестрый сон
И остро бродит в ней —
— счернён! —

Над ней!...

...Над нами, над Вселенной,
Из дней, своими снами пленный:
Он — Тот, который есть Не — Он:

III, 238 Кому названье — легион!

III, 242 В Свои затягивает хмури;

Свои протягивает дури;

Он — пепелеющая лень;

III, 245 И — тяготеющая тень;

III, 250 Как снег, в овьюженные крыши,

Как в мысли гложащие мыши, —

В мечты, возвышенные выше,

Бросает сверженную сушь:

III, 254 Сухую, прописную чушь;

III, 246 Как Мефистофель, всем постылый,

Упорным профилем, как чорт, —

Рассудок, комик свинорылый:

III, 249 К волторне горней он простерт...

III, 255 Упавшим фраком нос простерши, —

Кликуши-Души, — ходит он —

Кликуши-Души, — горше, горше —

Упавшим фраком — душит: в сон.

Черней, упорней гром в волторны:

Грознее, озорней Она:

Грозой молниеносной, горней

Грозою гор озарена! —

Так дымом пепелит и мглоет

Виеголовый, мгловый слой:

Как Змий, он отдымит, ответ

В багровом горизонте — мглой.

Слезам облако, светая,

Слезам полное молчит —

И в волны, в воздух, — тая, тая, —

Глазами молнии дрожит,

Как воздыханиями арфы,

Как лепетанием струны —

Душа — Марию зрящей Марфы —

Из просветленной глубины...

И бросят в арфы — шали, шарфы,

Вдыхая раей дорогой, —

Вот те, Марии, эти, Марфы —

Над жизнью, старую каргой:

Вы, сестры: —

— Ты, Любовь —

— как роза,

— Ты, Вера, —

— трепетный восторг,

— Надежда, —

— лепетные слезы,

— София —

— горний Сведенборг —

Соединив четыре силы

В троякой были — глубиной,

Меня примите из могилы

III, 286 Светите оком — Той, Одной!...

III, 275 И бросят в арфы — шали, шарфы,

Вдыхая раей дорогой,

Вот те, Марии, эти, Марфы, —

III, 278 Над жизнью, старую каргой...

III, 352 Мои мистические дали

Смычком взвивались заливным,

Смычком плаксивым и родным, —

Смычком профессора Гржимали;

Он — под Васильем Ильичом

(Расставив ноги калачом),

Который, чаля из зонов

На шар земной, объятый тьмой,

Рукою твердой на тромбонах

Поплыв — назад, в Москву, домой, —

Слетит в телодвижение хитром,

Вдруг очутившись над пюпитром,

Поставит точку: оборвет;

Сопит и капли пота льет;

И повернувшись к первой скрипке

III, 367 Жмет руку и дарит улыбки;

III, 373 А в перебежный переплеск

III, 372 Задушен фраком толст и розов;

III, 375 Ладонью хлопнув в яркий блеск

III, 374 Надуту бросится Морозов;

III, 377 Сама собой озарена

III, 379 Надежда Львовна Зорина, —

III, 307 Но тут... Вставая из лазурей

III, 309 Ты запевающе бурей

III, 308 Глазами, полными огня,

III, 310 Забриллиантилась в меня...

Из вышины — разгулы света!

Из глубины — пахнуло тьмой;

И я был взят из молний лета

III, 314 До ужаса Тобой, Самой!

IV, 126 Кропя духами Аткинсона
 Ей в ометеленный подъезд;
 Пред Нею, Тайною Иконой
 Я упивался блеском звезд.
 Она ко мне сходила снами
 Из миротворной глубины
 И голубила глубинами
 Моей застенчивой весны.
 Персты орфической цевницы
 Приоткрывали звуком бурь:
 И — поцелуйные денницы
 И — милоглазую лазурь!...
 И я смиряясь пред киотом,
 Бывало, пав под фонарем,
 Я, полоненный миголетом,
 Молением тихим осенен.
 В белопокровы, в ветроплясы
 Метясь светелицей на нас,
 Влача свистящие атласы
 Вставал алмазноглазый Спас.
 Бывало: белый переулок
 В снегу — дымит; и снег — летит.
 И Богоматерь в переулок
 Слезою чистою глядит.

Бегу Пречистенкою ... Мимо ...
 Куда? Мета — заметена.
 Но чистотой необъяснимой
 Пустая улица ясна.
 Кто там, всклокоченный метелью,
 Скрыв озабоченный свой взор,
 Прошел пророческой шинелью:

IV, 157 Седую бородой — в бобёр,
 IV, 162 Чтоб вихри свистами софистик
 Заклокотали в кругозор, —
 Взвизжали: "Вот — великий мистик!"
 И усвистали за забор.
 Мигают звезды теософий
 Из неба кубового — в вой.
 Провеял кризис философий,
 Как белый гейзер снеговой;

Так в ночи вспыхивает магний
 Бьет электричеством магнит;
 И над поклонниками Агни,
 IV, 173 Взлетев, из джунглей заогнит.

IV, 178 Проснулась — на Девичьем Поле
 Знакомым передрогом ширь:
 — "Извозчик! ... Стой!" ... "Со мною что ли?"

“В Новодевичий Монастырь” ...
— “Да чтоб тебя: сломаешь сани!”
И снова зов — знакомых слов:
— “Там — день свиданий, день восстаний”
— “Ты — кто?” — “Владимир Соловьев!”
— Воспоминанием и Светом
Работаю на месте этом...”

И — никого: лишь белый гейзер
Бросает свистом свето-цвель
Так на рояле Гольденвейзер
Берет уверенную трель.

.

Бывало: церковка седая
Неопалимой Купины
В метели белой приседая
Мигает мне из тишины;
Перед задумчивым киотом
Неугасимый фонарек;
И упадет легким летом
Под снегом розовый снежек;
Неопалимов Переулок
Пургой перловою кипит;
И Богоматерь в переулок

IV, 203 Слезой задумчивой глядит.

ЭПИЛОГ

- 1 Двадцатилетием таимый,
Двадцатилетием чернён,
Я слышу зов многолюбимый
Сегодня — Троицыным днем.
И под березкой кружевною,
Простертой доброю рукой,
Я смыт вздыхающей волною
8 В неутихающий покой.

1921 года. Троицын День.

Поэма напечатана отдельным изданием, в совершенно переработанном виде, в издательстве “Алконост”, П., 1921. Наш канонический текст — редакция “Алконоста.” Следующие опечатки исправлены нами: в I, 188: “передробляемой” вм. “передробляемой”; в I, 226: “струн” вм. “струи”; в II, 220: “Воамергес” вм. “Воанергес”.

Поэма перепечатана в изд. “Слово,” Берлин, 1922. Находим следующие разночтения с каноническим текстом:

Глава II, строка 192: Проходят, в ветер взвив одежды,
 218: Проходим за-городом: лес
 III, строка 123: Колё — алмазные морозы;
 260: Вздыхая вестью дорогой, —
 276: Грознее, озерней Она
 383: Колё — алмазные морозы:

Опечатка в II, 220: "Воамергес" вм. "Воанергес"; III, 100: "облетая" вм. "отлетая"; III, 239: "Дявокии" вм. "Двоякии"; IV, 106: "прячет" вм. "спрячет"; IV, 135: "звукмо" вм. "звуком."

Один отрывок из поэмы (глава III, строки 324—339, в форме четырех четверостиший) был перепечатан в жур. "Записки мечтателей," номер 5, 1922, стр. 46, в виде самостоятельного стихотворения, под названием: "Благонамеренным," без даты. Находим следующие разночтения:

III, строки 325—326: Благоразумью преданы:
 Не им, не им мечтать о чуде
 336—337: О, ваша повесть так спокойна
 И ваша совесть так ясна:

Корректурные гранки этого "стихотворения", исправленные А. Белым, находятся в ЦГАЛИ.

Десять отрывков были перепечатаны в СБ. Один в отделе: Пепел, в цикле: Прежде и теперь, стр. 202—205, в виде самостоятельного стихотворения под названием: "Концерт в Благородном Собрании в Москве," датировано: 1921 г. Май. Петербург. Это "стихотворение" состоит из следующих строк из третьей главы поэмы:

строфа	I	отвечает	строкам 69—72
	II	—	строкам 73—84 с одним разночтением в строке 73: Приходят, тащатся, текут;
	III	—	строкам 85—95
	IV	—	строкам 96—101
	V	—	строкам 110—111
	VI	—	строкам 153—156, с одним разночтением в строке 156: Седой, почтенный жрец: Сафонов.
	VII	—	строкам 157—164, 173—176
	VIII	—	строкам 177—180
	IX	—	строкам 181—193, 196—202, с одним разночтением в строке 192: И чертит па, и строит туры
	X	—	строкам 203—205
	XI	—	строкам 206—209, 218—219, 224—225, 227, 226, 214—217
	XII	—	строкам 372—375
	XIII	—	строкам 391—394
	XIV	—	строкам 395—402

Восемь отрывков — в составе цикла “Искуситель”, где они образуют части: 6, 8, 11, 16, 19, 20, 21 и 22 цикла.

Часть 6, стр. 305—306 отвечает строкам 224—239 второй главы, в форме восьми двустиший; датирована: 1921 г. Май. Петроград. С одним разночтением в строке 231: И — столб блистает искряной...

Часть 8, стр. 307—309 отвечает строкам 242—273 второй главы, в форме шестнадцати двустиший; датирована: 1921 г. Май. Петроград. Находим следующие разночтения:

строка 242: И ходит в зелени сырой

244—245: И — облак розовый сквозит

И — нежный воздух бирюзит.

263: Столпились в ночь. Приди же, ты, —

Часть 11, стр. 311—312 отвечает шести строфам, которые состоят из следующих строк третьей главы:

строфа I отвечает строкам 228—234, с одним разночтением в строке 233: Кто входит ночью в пес-
трый сон

строфа II — строкам 235—238, с одним разночтением в строке 238: Кому название — “Легион”:

III — строкам 239—245

IV — строкам 246—249, с одним разночтением в строке 249: К вселенной пленной он простерт.

V — строкам 250—254

VI — строкам 255—258

Часть 16, стр. 314—316 отвечает строкам 67—114 первой главы, в форме двенадцати четверостиший. Датирована: 1921 г. Май. Петербург.

Часть 19, стр. 318 отвечает одной строке: 25 четвертой главы: И — взвояет улицей зима... —

Часть 20, стр. 318—320 отвечает строкам 26—85 четвертой главы в форме пятнадцати четверостиший; датирована: 1921 г. Май. Петроград. Находим следующие разночтения:

строки 44—45: Чтобы из жизни стал крошечный

Бесцельный, многогрешный храм...

Часть 21, стр. 320—321 отвечает строкам 86—113 четвертой главы, в форме семи четверостиший. Датирована: 1921 г. Май. Петербург. Опечатка в строке 103: “и зовы” вм. “в зовы.” Находим два разночтения:

строка 99: В годах перемелькавший дым:

109: В свой обиходный, в злой “хавос”...

Часть 22, стр. 321—322 отвечает строкам 324—351 третьей главы, в форме семи четверостиший. Датирована: 1921 г. Май. Петербург. Находим два разночтения:

строка 326: Не им, не им мечтать о чуде,
330: Вы переломленные жерди:

Отрывки в составе цикла “Искуситель” имеют всего одно подстрочное примечание: “Из поэмы ‘Первое свидание’” и не имеют никаких других.

Десятый отрывок из “Первого свидания” который помещен в СБ: в отделе: Звезда, стр. 440—442, в виде самостоятельного стихотворения под названием: “Заступница,” датировано: 1921 г. Май. Петроград. Состоит из двенадцати четверостиший (глава IV, строки 130—153, 178—185, 188—203). С одним разночтением в строке 190: Так на эстраде Гольденвейзер. “Стихотворение” это имеет шесть подстрочных примечаний:

“Заступница” *) из поэмы “Первое свидание”
строка 150, Пречистенкою *) Улица в Москве.
178, Девичьем Поле *) Местность в Москве.
190, Гольденвейзер *) Пьянист.
193, Неопалимой Купины *) Церковь в Москве.
200, Неопалимов Переулок *) Переулок в Москве.

Строки 257—273 второй главы являются переработкой стихотворения “Кладбище,” напечатанного в ЗЛ, см. номер 107.

В плане 1925 года А. Белый написал: “Между ‘После Звезды’ и ‘Звездой’ должна быть напечатана поэма “Первое свидание” (целиком); а отрывки из нее, напечатанные в нескольких местах Гржебинского издания, изъяты.”

В “Проекте содержания второго тома стихов Звезда над урной” (в ЦГАЛИ) поэма “Первое свидание” образует заключительный отдел сборника.

В ЦГАЛИ хранится автограф всей поэмы целиком, с рисунком обложки к ней и с гранками канонического текста (издание “Алконоста”) с авторской корректурой. Находим следующие разночтения в Первой главе:

строка 5: [Горят волнующие светы]¹
37—40: переставлены строки: 40, 39, 37, 38
40: [Великий делом Даинанд,
39: Великий духом Дармотарра
37: И рой бормочущих Ананд
38: Меня венчают тайным даром.]²
между строк 110—111: [О, меланитовые очи,
О, лазулитовая лень:
Ты, колокольчик синий, — ночи;
Ты, колокольчик белый, — день!]
между строк 149—150: [Бренчит карманною деньгой:
Жужжат оранжевые осы —]

между строк 177—178: [Там — обеславленные боги
Исчезли в явленную ширь:
Туда серебряные роги,
Туда, о месяц, протопырь!]

180: [Стихия]³ музыки меня

219: Умел [расставить]⁴ в [бесконечно-
сть;]⁵

1. Над строкой: Я вижу — дующие зовы
2. Над строкой: канонический текст строк 37—40
3. Над строкой: Волною
4. Над строкой: развеять
5. Над строкой: быстротечность;

Находим следующие разночтения во второй главе:

Перед первой строкой поставлены следующие две строки:

[Да, есть премудрость в детской вере
И есть фантазийная снедь...]

между строкой 23—24: [Да, — и опора детской вере,
И провидения рука.
На этой вычищенной двери
Литая, медная доска:
Михал Сергееч Соловьева
(С таких то до таких часов)!]

между строкой 35—36: [Его он сбрасывает кротко
Золотохохлой головой
С золотохохлою бородкой, —
Прищурый, слабый, но живой;]

между стр. 107—108: [Сережа, заклопочив клочень,
Взирает в очи Сони Н-ой;
Мне блещут очи — очень, очень —
Надежды Львовны Зариной;
Так соглашаясь с Соловьевым,
Провидим Тайную — весной:
Он — Сонечку, живую зовом;
Я — Заревую: в Зариной:
С именуемою силой
С неизреченных аллилуй
Ко мне, волнуемому Милой,
Мгновенный свеян поцелуй.]

137: Она!... Мы в Ней души не чаем...

138: Но кто Она?... Сидим за чаем:

между стр. 152—153: [Дымит струями папиросы,
Голубоглазит на меня;
Развеет веером вопросы
Он чубуком из янтаря,
И мнится: милая квартира
Решает летописи мира.]

- 166: Есть только символ [скрытой тайны]¹
 между стр. 173—174: [Бывало, бледный и сутулый]
 180: [Твоя худая голова]²
 189: [И на Арбате — снится Вечность]³
 192: [И мчатся,]⁴ в [воздух]⁵ взвив
 одежды,
 194: [И зазареет]⁶ тихий свет
 195: [На той же]⁷ вывеск[е:]⁸ “Надежды”
 204: [Туда за стекла, — в горки дынь,]⁹
 между стр. 207—208: [“Зачем тут лопаются дыни
 И тяготеет злой кокос,
 Когда воскрес Иисус Христос?”
 Смутясь уличною давкой,
 Смутясь колониальной лавкой, —
 Я упраздняю это все:
 Мир — представление мое...]
 между стр. 221—222: [Неизрекаем: нет<у> слов
 Переживаем тайну вместе...]

— “А ну, скажи ка, богослов,
 Какие вести о Невесте...”

— “Нет: не невеста, а Жена
 В порфиру мира облачилась!”

— “Постой: Надюша Зарина
 С Мишелем Бауэр обручилась?”

- Но тут, сорвавши с ветки листик
 Осклабится товарищ наш:
 — “Не понимаю этих мистик:
 Откуда этот ералаш?”
 И — разлетаются вопросы
 От пережженной папиросы...
 Мы в землю палками стучим:
 И — уповаем, и молчим...]
 между стр. 225—226: [И ныне в мир литературы
 Слагаю двадцать третий том;
 Чуть не добился профессуры
 Своим почтенным Кирпичом;
 В переливные струи Леты
 Слетает <?> судьбы моей;
 Достойно б справили газеты
 Двадцатилетний юбилей.]
 между стр. 289—290: [Смутясь уличною давкой,
 Смутясь колониальной лавкой,
 Где в окнах манит то и се,
 Я упраздняю это все:
 “Мир — представление мое!”]

Да, есть премудрость в детской вере:
[Как,]¹⁰ перст пророческий из снов, —
Доска на вычищенной двери
[Михал Сергеич]¹¹ Соловьев.”

между стр. 362—363: [Трясет священной бородой;]
между стр. 382—383: [А выюга хохотом пурговым
В окошке шутит с Соловьевым.]

Рукой бросаясь, как на бой,
На доску, он уткнется в шашки;
И — поражают худобой
Его обтянутые ляжки;
А комариная нога,
Костей непрочное жилище,
Нам обнаружит сапога
Нечищенное голенище...

Атмосферическим дымком
Судьба трагическая дышет;
И в “Новом Времени” о том
Демчинский* знает, но не пишет.
“В сознание нашем кавардак:
Атмосферических явлений, —
Свечений, зорь, — нельзя никак
Понять с научной точки зрения” —
И ткнется головой в колени,
Ревнув, Владимир Соловьев.

Михал Сергеевич без слов
Нос атмосферой протабаца
Курнет, от дыма чуть не плача,]

[*Демчинский: автор оригинальной метеорологической теории;
публицист “Нового Времени.”]

между стр. 394—395: [“Уж я давно не чаю чая,
Но чаю сахара небес:
Да сгинет враг — Христос воскрес...”]

1. Над строкой: чрезвычайный
2. Над строкой: Бульваров первая трава.
3. Над строкой: И на Арбате мчатся в Вечность:
4. Над строкой: [спешат]>проходят
5. Над строкой: ветер
6. Над строкой: Зарозовеет
7. Над строкой: С зеленой
8. Над строкой: -и
9. Над строкой: [Глаза — открытая ледынь]>В междупла-
нетную ледынь,
10. Над строкой: Ты
11. Над строкой: Немая надпись:

396: [Как бы влеком самой судьбой,]¹²
 между стр. 401—402: [Пожмет нам руки торопливо,
 Как бы влеком самой судьбой,
 Как бы вздыхая сиротливо,
 Как бы вздыхая над собой;]
 между стр. 421—422: [Его он сбрасывает кротко
 Золотохохлой головой
 С золотохохлою бородкой, —
 Прищурый, слабый, но живой;]

12. Над строкой: Снедаем мировой борьбой,

Находим следующие разночтения в *третьей* главе:

строка 13: Звук множит бестолочь сердец
 140: Пройдет, — и мы, разинув рот
 198: Склоняет Скрябин бледным [ликом]¹
 208: Короткий, толстый и [седой]²
 229: Над чепчиком ее [склонен]³
 276: Вздыхая раей дорогой, —
 328: О, не [лающие!]⁴ К тверди
 между стр. 379—380: А туалет — Минангуа:
 400: [Стерляженосый вот]⁵ Егоров;
 401: [Проходит]⁶ химик Каблуков

1. Над строкой: тиком
2. Над строкой: немой
3. Над строкой: счернён
4. Над строкой: -летающие
5. Над строкой: Стыдливо низится
6. Над строкой: Лысеет

В *четвертой* главе на странице, на которой написаны строки 77—103 приписано (А. Белым?) карандашом: "Иванов."

В ЦГАЛИ хранится рукопись строк 224—237 второй главы в виде самостоятельного стихотворения под названием: "Перед Новодевичьим Монастырем," без даты. Находим следующие разночтения:

строки 228—231: В забираюзевший, легкий пруд
 (Забираюзевший, — в изумруд),
 Дробимый зеркальной волной;
 И — столб летает искрянной.

В ЦГАЛИ тоже хранится рукопись строк 67—102 *первой* главы в виде самостоятельного стихотворения под названием: "Греческие боги," без даты. В форме девяти четверостиший. С подстрочным примечанием: "Из поэмы "Первое свидание."

В ЦГАЛИ-же находим гранки двух "стихотворений" "Перед Новодевичьим Монастырем" и "Греческие боги" (см. выше). Так как они хранятся вместе с гранками трех стихотворений Белого, напечатанных в свое время в "Записках мечтателей", номер 5, 1922, то ясно что А. Белый сначала предполагал напечатать и их в этом журнале. Но на гранках находится надпись: "не печатать," из чего можно заключить, что Белый отказался от этой мысли.

Я также видел остатки полусторевшего рукописного экземпляра "Первого свидания" в архиве Иванова-Разумника, в ПД. Возможно, что это был автограф редакции "Знамени" (Иванов-Разумник был одним из редакторов этого журнала). Рукопись настолько была испорчена огнем и водой, и в таком состоянии, что я боялся дотронуться до нее.